

Саша
Немировский

ПРЕДИСЛОВИЕ
К МИРОЗДАНИЮ

Саша Немировский

**ПРЕДИСЛОВИЕ
К
МИРОЗДАНИЮ**
(роман-фантазия в лицах)

Иллюстрации
Павел Тайбер

Sasha Nemirovsky

**FOREWORD
to the
CREATION**
(fantasy play-novel)

Illustrations by
Pavel Tayber

Woodside Publishing 2022

Предисловие к Мирозданию – художественная литература.

Все имена, места и события придуманы автором
и использованы только в художественных целях.

Foreword to the Creation is a work of fiction. Names,
places and incidents either are products of authors imagination
or are used fictitiously.

ISBN 978-1-7923-8236-9

Library of Congress Control Number: 2021952575

Книги Александра Немировского

Без Читателя (1996)

Уравнение Разлома (2009)

Система Отсчёта (2012)

На Втором Круге (2014)

Точка Обзора (2016)

Секвойя в Цвету (2017)

Партитура Пейзажа (2019)

Jazz-Поэзия (2020)

Предисловие к Мирозданию (2022)

© Sasha Nemirovsky, 2022; All rights reserved
<http://www.nomer.us/en/index.shtml>

© Woodside Publishing, Woodside, CA. USA
email: editor@westcoastlit.com

моему ангелу

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Малколам – Архангел. Хранитель Уравнения

Гаардвал – Архангел. Хранитель архивов

Адель – Младший ангел

Исабель – Младший ангел

Загадор – Младший ангел

Пабло – Свободный художник

Гая – Певица

Василий – Программист

Моше – Старик

Рая – Старуха

Парияетта – Девушка

Варглус – Демон

Сильва – Собака

Бард – Автор

* * *

*Не судите мя строго.
Всего лишь гипотеза, может, даже сырая,
может, даже неверная.
Только что-то в ней есть от глубокого,
текущего в безмерную
бездну потока,
что, срывая
покров, обнажает скалу водопадом,
и тех струек вуалью
скрывает
очевидное сущее рядом.*

ПРОЛОГ

Бард:

*Это было давно,
это было вчера или не было вовсе?
Мы живем теперь после
или, может быть, до;
или время сейчас через это проносит
потоком?
Вечера и утра есть ли в тонком
пространстве?
Наших жизней осколки
выживают ли там, пребывая в прекрасном?*

...

*Я гадал, я считал, я по косвенным данным мозаику
слагал,
я о том, что открылось, себе не солгал.
Измеренье другое, как в него подсмотреть,
ведь нельзя ж в любопытстве приветствовать
смерть?*

...

*Вот тонкий мир. Не знаю где, здесь не темно
и не светло.
Ни ветра, ни движения среды.
Беседуют два старика. Два ангела, две сущности.
В открытое окно
виднеется стена скалы,
журчит вода.
Едва светлеет красное пятно
в ногах того, что слева. Он в тучности
своей стоит, чуть хрипло дышит, капая слова
беседы неторопливо низким голосом
другому. Другой – чуть помоложе,
одетый простенько,
но ростом выше,
с седою бородой, сидит на стуле, пишет
пальцем, кожей
по пластине, висящей в воздухе, и звуки слушает,*

*что первый скупко крошит,
и отвечает только после вдоха.*

Малколам:

Ну что, коллега, снова та эпоха,
когда пора садовниками быть?
Разросшиеся кущи на кроху
упорядочить, уменьшить, чтоб запустить
расти на следующий виток в здоровом виде?

Гаардвал:

Да, лидер,
ты, конечно, прав. Сто лет уж миновало с той поры,
как мы «испанке» дали путь и пищу.
Сюжет на выдохе. Всё так же нищи
духом богачи, всё так же продолжаются пиры,
всё так же рыщут
в поисках наживы, губя планету, делая ошибки,
не короли и не визири, а президенты да министры –
все однодневные «цари-горы» –
индустриалисты,
политики, чьи лицемерные дары,
как обещанья, что не шибко
выполнимы. Чем тут не удивишь?

Малколам:

То технологии ужимки. Куда от них сбежишь?
И вроде не нужны,
а всё ж с животной радостью используем и мы.
Но на одно полезное изобретенье
приходится под сотню
засоряющих природу добавлений.
Почти что беспроблемным
стало размноженье.

Но вот зачем долгоживущие тела,
когда душа на выходе всё хуже к нам приходит?

Мы посылаем их обратно, вроде
с надеждою, что вырастет она,
но – бац – загнила и растлилась.
Вот дела,
в итоге всё, что возвратилось,
до сердцевины з́аново
счищать и снова собирать
из душ животных в человечью сущность.

Гаардвал:

Добавь ещё, что с сáмого
начала настраивать, чтоб лучше
узнавалась возрождённым телом,
здоровьем наливалась и гудела,
вновь бесшабашно
прожигая цикл.

Малколам:

Да, это точно. Он, как сажа, –
оставляет блики.
Содрать налёт самолюбви с души не просто.

Я помню круг земной, тысячелетия назад,
я – небольшого роста
мальчуган, тогда был взят
в позорный плен и продан во дворец.
Сначала думал, что придёт ко мне скопец,
но нет, я там работал, как садовник,
от солнца был в чепец
одет, ухаживая за висящими садами.
Я ровно
резал, закреплял и удобрял растенья днями
напролёт, переходя с террасы на террасу.
Как акробат, висел и стриг под форму вазы
корни, потом подвязывал,
да смачивал водою.

Там подо мною
тёк поток в каньоне
узком. Так глубоко, что лишь вода шумела.
Дна видно не было,
но лишь пространство
в котором птицы, да другие бедолаги,
как и я, работали над доставленьем влаги,
над засыпанием земли
в висащие над пропастью платформы.
Мы ежечасно
рисковали жизнью ради корма
цветам. О да! – цветы цвели
и радовали глаз вельможам, власть имущим:
царю, царице, всем другим живущим
в роскоши. Искусственные кущи
росли, переплетаясь, птицы пели.
Мы умирали, падая, в неловкости сорвавшись...
И там, внизу, останки наши звери ели.

Однажды утром, ветреным и мокрым,
на мой прыжок с террасы
на платформу
смотрела девушка.

О, это был волшебный
сон!
Копна волос
струилась тёмной массой
по плечам,
где их поток, достигнув бёрежка
туники, истончался
в рисунок тени.
На белой коже места не было другим вещам.
Материя накидки
(иль лёгкого плаща?)
так облежала грудь,

что я готов был ниткой
стать в её плетенье.

Дождь капал, но она не уходила, чуть
голову склонив, в упор смотрела,
как я с мешком
земли, готовился к прыжку,
прикидывая маятник платформы на движение.
Она стояла впереди и справа от меня.
Исподтишка,
я улыбался. Вообще-то я правша,
но, подгадав момент, я прыгнул с левой,
предвосхитив порыв внезапный ветра,
и промахнулся по платформе.

Руками ухватился только край и то лишь снизу.
Я закачался в воздухе, где корни
в брызгах
влаги лезли мне в глаза и в нос, дышать мешая.
Я повернулся, чтоб ногой от центра
опорной планки оттолкнуться, но перекренился,
так, что мешок с землей раскрылся и опорожнился
в пропасть.
Я слышал, как летели подо мной и шлёпались
о каменные стены комки.
Стал выбираться, вытянулся, влез почти по пояс,
на платформу, но вдруг надтреснувшая обломилась
планка.
Руки сорвались, пальцы.
Я почти упал, но удержался,
захвативши корень
другой рукой. Со мною вровень
качались обломки дерева, а дальше воздух, облака,
и в вышине – терраска, где она
стоит и смотрит, на меня не отрываясь.
Я вдруг представил – падаю до дна

и разбиваюсь.
Как вдруг её рука
взвивается в движении, легка
и грациозна. И ловко так
ко мне летит петля веревки,
и точно падает, плечо перечеркнув.
Вцепился, корень отпустив,
качнулся и повис, и вот уж вылез на террасу.
У ног её упал без сил. Протянутая фляга. Я, отхлебнув,
сначала сел, потом поднялся.
Молчание глотая,
не отхожу. Гляжу
в глаза зелёные чуть с жёлтым переливом, перевожу
пониже на накидку и понимаю, что под ней она нагая.
Вдруг обожгло мне щёку поцелуем.
Я не дышу.
А руки её жарким покрывалом
притягивают мои плечи.

Всё далее – провалом
в памяти. Промчалась вечность –
я всё тоскую.
Воспоминанье до сих пор во мне болит.
Её душа
мне позже встретилась. Увы, она не перешла.
Не слёлась с половиною
своей. Не стала ангелом.
Проходит цикл – и снова вся в крови,
а после возрождается невинной.
Я жду её, надеюсь, трепеща, что жизнь получится.

Гаардвал:

Да, так бывает и, не говори,
примеров много, все бесконечно крутятся.
Но что там было дальше между вами?
В чем назиданья суть?

Малколам:

А суть в предательстве. Мы вместе тёплыми ночами
жили.

Нам сад был крышей,
стенами, уютом.

Сквозь ветви, взглядом высшим
кластер

звёзд смотрел, как мы в одно
с ней превращались существо.

Тела сплетались тёмными часами,
пока не наступало утро.

Так до восхода пот наш
орошал искусственную почву на террасах.

Мы продолжались с ней почти что год,
но раб не может развлекать принцессу вечно.

Так кречет,
наигравшись с мышью,
её в конце концов съедает. Что и вышло.

Она была на выданье. Мы стали старше,
когда ей заменили распорядок дня,
добавили забот, охрану.

Стражник
постоянно, как тень, за ней ходил.

Следил,
да время складывал или, отняв,
считал её минуты отлучений,
причины находил,
чтоб быть недалеко.

Она ж ко мне в своём влеченье
поостыла. Всё как всегда. Почти клише.

Земля садов,
покрытая подстилкой, стала жёстче.

А дальше – больше:
моя к ней ревность без причин,

к её занятиям, к её предназначенью править.
Представь, как пара в неглиже
вдруг громко отношения чинит.
Нам бы убавить
громкость. Но, увы! Забытьё, непрѹха.
Мы были пойманы, я лишь успел повязкою
прикрыть её бедро,
пригнуться,
как получил удар. Когда ж очнулся,
охранник тот с блестящим топором
стоит, она же за его спиной скрывается
и что-то шепчет в ухо.

Он улыбается,
и гнев в его глазах
блестит под звѣздами, и тихо так,
что слышен запах крови, ещё не пролитой,
но закипевшей до предела.
В той тишине она сказала в голос,
что я напал с угрозами.
Что было больно то,
что я ей сделал,
что принудил и даже протянула пояс,
надорванный
колючей веткой. Но, кроме
этой сомнительной улики,
я сам себе был обвиненьем.

Пронзѣн её наветом, стоял с поникшей головою,
преступленья тенью.
Ведь я не знал тогда, как мир устроен.
Наивно промолчал и подавил испуг,
хоть уничтожен был её словами,
лишь смелость —
всѣ что оставалось.

И я старался показать, что нет, не трушу
небытия, мучений, боли, пыток.

Гаардвал:

Да, понимаете ли друг,
смерть тела
всегда имеет в перспективе душу.
Но в юности, когда избыток
и сил, и соков, кто ж верит в смерть?

Малколам:

Заметь,
ты сам назвал небытиё. Тот стражник,
что меня убил, спустя мгновенье,
его я так и не нашёл.
Мы разминулись на кругах реинкарнаций.
Я слышал мненье,
что он стал ангелом, одним из старших,
в конце концов.
А если так, то нечего пытаться
узнать мне имя иль лицо.

Когда сливаются в одну две части
разные души, то ангел новый будет чист
от шрамов прошлых злых деяний.
Всё что саднит – лишь память о событиях,
К нам имя новое приходит, как наитье,
освобождая от былых страданий.

Но что вздыхать. По меньшей мере,
её охранник был жесток.
Но что б она, и с радостью смотрела расчлененье,
устроенное этим зверем?
Как моё тело, за куском кусок
окровавленный,

летело в пропасть? – не ожидал. На их животное
влечение
моя душа уже глядела, отстранясь,
уже покинув оболочку.
Как после ими овладела страсть.
Как стражник, с ней совокуплённый,
рвал ту её накидку в клочья,
весь в забытьи, что жизнь он óтнял.

Я б отомстить ему хотел. Сейчас, сегодня.
Хоть это больше память, нежели боль.
Века прошли, и ангелу негоже
спускаться в месть. На кой
мне эта справедливость, когда ни человека больше,
ни души.
А всё же что-то сердце хочет.
Воспоминание о зле живёт, першит.

Гаардвал:

Среди всех прочих
моих жизней есть не одна,
где я был воином. Однако,
рассказ во мне разбередил виденье.
Рубака
старый, хижина, крыльцо.
В смятенье
женщина с богатой
свитой перед ним остановилась.
От свиты отделилась
и к нему бежит, лицом
скуластая девчушка,
с косичками, лет десяти.
Он смотрит пристально в её глаза,
под дужки
тёмные бровей, и видит в ней себя.
Чуть позади –

пейзаж: плато, каньона край, и дальше радуга над пропастью
цветным горбом.
Ну что сказать?
Тот воин – бывший я,
но это о другом.
Довольно глупости.
Как ты заметил, давно уж нет ни тела, ни души.
Лишь прошлое живёт воспоминаньем,
и то, как будто не про нас.
Так что решим
мы с перенаселеньем? Точнее, со странным
качеством к нам приходящих душ?
Мы станем
делать, как и в предыдущий раз?
Опять война, чума, «испанка»?

Малколам:

Спокойно, друг мой. Бери перо и тушь,
вот банка,
и вот неразрываемый пергамент для приказа.

Давно я размышляю над проблемой.
Не так всё худо.
Нам нужно маловероятное событие – непобедимая
зараза,
но из природных компонентов.

Гаардвал:

Ты говоришь про чудо?

Малколам:

Да, но про отрицательное чудо.
К примеру, вирус,
состоящий из агентов,
частей, почти несовместимых,
а всё ж, теоретически возможных вместе слиться.

Одномоменто,
как в цепочку эшелон,
когда б условия невероятные сложились.
Такую дрянь, чтоб в воздухе носиться
могла и, чтоб при этом поражала тяжело,
опасною болезнью
часть населения,
но небольшую, так, процентов десять.

Из заболевших, отобрав немного слабых,
тех вовсе насмерть жалить.
Внедрим идею эту в голову учёным
какой-нибудь одной державы,
стремящейся к господству.
Пусть мысли сами к ним пришли бы, как бы.
У Уравнения жизни есть такое свойство.
Приглушим пару коэффициентов чёрным,
а эти, посмотри, и эти, — поменяем местом.
Баланс останется, а чудо — всё. Уже пошло
в работу. Поток живого
помельчал у берегов.

Гаардвал:
Детей не трогаем?

Малколам:
Да, их — неинтересно.
Мы в этот раз начнём со стариков.
Пускай пожившие, созревшие душой,
к нам в тонкий мир придут сначала.
Возможно, это будет хорошо,
да и не так жестоко. Что ты замолчал?

Гаардвал:
Я думаю, как нам измерить эффективность,
чтоб знать, когда остановить болезнь?

Или, когда пора другую сделать разновидность,
коль версия один сведётся просто в плесень?

Малколам:

Придется ангела послать
в обличье взрослом,
и по тому, как он там пострадает,
мы будем знать,
насколько вирус получился грозный
или легчая,
чуть не исчезая,
подспудно,
болезнь уйдёт под знанием врачей.

Гаардвал:

Ворота все – камней уж гряда.
Какой остался нам ещё из трёх ключей,
чтоб ангела послать для смерти на планете?
Я против, есть получше
способы измерить
эффективность чуда,
Малколам. Убийство целого не восстановит душу.

Малколам:

Ты мягок стал
с тех пор, как воином родился, Гаардвал.
Я буду делать так, как я сказал.
Есть Уравнение, и не мне его нарушить.
Чем мёртвый ангел не расплата за простуду?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Бард:

*Другое место. Тоже тонкий мир, но, видимо, пониже,
Стенки, пол – всё выглядит покрепче.
Здесь трое ангелов ведут свою беседу
в форме людей, но с крыльями. Одна из них чуть слышно,
про себя, не отрывая взгляда от соседа
слева, шепчет.*

Исабель:

Ах, как он смотрит не неё! Она в своём земном обличье
так хороша! Девичье
что-то в ней живёт, что позже в женщине, в матроне
найти так трудно.

Обычно,
возродившись ангелом, становятся спокойней,
но вот Адель другая,
в движеньях – грация, а размышленья – мұдры.

Как смотрит он! Совсем не отрываясь,
а ей, похоже, всё равно.

Она, по-дружески играясь,
клонясь, сгибаясь, двигая плечом,
его сама, того не замечая, привечает.
Как много ей дано!

А он ведётся. Только всё впустую.
Ведь лишь взаимная любовь
двух ангелов на новую ступень поднять сумеет, творя
единого,
но с высшей сутью
из обоих.

Сама себе признаюсь – я ревную.
Он, как прекрасная картина,
напоминает что-то. Точно!,

Он похож на то лицо с одной панели
старой. Портрет фаюмский, и в такое же одет бельё.
Она ж ему годится в дочери!
Ах, как глядит, весь очарованный Аделью
и не отводит взгляда от неё.

Бард:

Они беседуют.

*Свет, будто бы закатный, но темнота ещё не скоро
за ним последует.*

Адель смеётся шутке Загадора,

тот улыбается в ответ,

довольный тем, что произвел эффект.

*Лишь Исабель меж ревностью и дружбой,
вставляет звуки, где слова не нужны.*

II.

Бард:

*Зажглись огни. Хотя ещё закат
подсвечивает розовым волну,
видны дорога, рампа, скат
с неё на пляж и на углу
застрявшее авто.
С ним рядом человек, глядящий под капот.
Одет в потёртое пальто
фасона бывших мод.*

Пабло:

Ну вот, заглохла. И не завести.
Всего чуть-чуть до парапета
осталось, которым город почти врос
в залив. Как неожиданна та вспышка света,
колёс занос
и будто крик: «Пусти!».
И хруст при этом.
Металл, что ль, лопнул от нагрузки на передний мост?

И звук, как взрыв петарды в ночь салютов.
Отлив. Как странны волны. Как круто
от берега они клонятся прочь. Не в пляжа
сторону идут,
наоборот, похоже на побег обратно в глубину.
И пены пряжа
с них сыплется не так, как ветер дует.
Но что это? Нарочно ль облако, подсвечено с краёв,
закрыло мне луну?

И кто здесь есть? Скала всегда пустует:
ни на закате – птиц, ни в выходные – рыбаков.
Кто там шевелится, как будто встать с неё не может,
и почему молчит? Иду к тебе.

Откуда здесь прохожий
в такое время и почти в воде?

Какой ты странный. Сгорбленный.
Перекорёжен.
Весь перевёрнут, руки под колени сплёл.
Дрожишь, хотя вокруг не холодно.
Меня не бойся. Что так квёл?
Давай, перенесу тебя на берег.
Ты вроде легкий, небольшой. Поверь
мне, ну, держись за шею, передо мной.

Баланс, и вот шагаю в воду. (Надеюсь, я удобно подхватил.
Какое дно!.. –
Не поскользнуться б на камнях под грузом.)
Да, не гадал, что стану незнакомцев по морю «аки по́суху» –
смешно,
с моим-то пузом,
однако есть ещё довольно сил.

Что хорошо –
прилив не скоро,
успеем, лишь бы волны
путь не скрыли.
– Так неудобно?
Дай перехвачу под горб,
чтоб руки не скользили.
Но это что? Распался горб на крылья!

Какой горячий! Кожа светится – вся в жаре.
Ещё широкий шаг – и кромка пляжа.
Я грежу. Так же не бывает. Кто из нас в кошмаре?
О, ангел, ты ль моя поклажа?
Стоп, прекратить! Про это будем думать позже.

Давай перевяжу тебе крыло,

похоже,
падает само,
не держит угол, а кожа
там, где к телу прилегает, мне пальцы жжёт.
Вот мой рукав. Вполне пойдёт
на жгут.
Не двигайся. Терпи и скоро станет лучше.
Да, знаю, все перевязки
поначалу жмут.
Спасая Ангела? Не понимаю, что за сказка?
Иль сновиденья кто-то шлёт, я без рубашки
сплю, принявши дрянь какую?
Хорошая идея. Вот ведь фляжка.

Бард:

*Поднявшись с берега к дороге,
он опускается на парапет,
где уличного фонаря их оmyвает свет.
Сажает рядом молчаливую фигурку,
с боков которой капает поток
воды. Набрасывает куртку
на неё. Доставши фляжку, делает глоток,
закуривает
и вытягивает ноги.*

Пабло:

Ну привет тебе, мой ангел. Сядь, поворкуем,
выпьем. Что, трудно
в другом измерении с перебитым крылом?
Не спеши, перекурим.
Я тебе о былом
расскажу, что ещё про меня ты не знаешь.
Про заботы потом.
Ты дыми, не стесняйся.
Замечаешь,

что к телу относишься просто в местах, где бессмертия нет.
Не старайся
устроиться лучше – не выйдет.
Сама жизнь – здесь основа монет,
и другого товарообмена Господь не предвидел.

Как тебя покромсало?
С какого сорвался потока,
или что там у вас вместо ветра?
Меня тоже спасало
чудесно, когда ошибался. Держало,
где тонко.
Вставал, в общем – цел.
На выпей, согретое
тело поломки
скорее излечит.
Терпи этот наш ограниченный мир на двоих.
Что лицом пожелтел,
боль никак не отпустит?
Этот вывих пройдет. Свои
крылья поправишь, и к вечеру,
больше не грустен,
в астрал возвратишься.
Навечно.
Но пока мой черёд помогать.

Я помню, мальчишкой,
как тогда не разбился...
Чего там гадать?
Всё могло по-другому.
С той поры поумнел, но а в чём-то всё тот, голоштаный.
Знакомым
не видно,
только я всё каштаны
из пламени – хвать.
Но то лишь для друзей.

Говорят, для своих – не солидно.
Как знать,
только кто фарисей
в наше время – не сразу понятно.

Это так неприятно,
когда в лёгком быту
очень быстро друзья переходят в знакомых.
Вероятно,
мельчают проблемы – их можно решать одному.
Только ангел и близок.
А кроме,
пожалуй, собака.
Но, покуда я нужен кому,
виден смысл в этой жизни.
Впрочем, сверху Ему
это видно получше.
Что, промолчишь и об этом?
Ни слова, ни знака.
Понятно, секреты от смертных.

Давай я потуже
поправлю повязку.
Ты сможешь дойти до машины? Постарайся.
Там, правда, сиденье в сигаретных следах,
разбросанный мусор по полу,
кое-где в волосах
от собаки, да липко от колы,
разлитой от тряски.
Давай помогу. Ну, хватайся.
Хромаешь? Похоже, на левой растянута связка.

Бард:
*Так они и пошли к машине.
Он, ей пытаясь помочь.
Она, на него опираясь,*

*шаги размеряя, стараясь
ступать осторожно. К вершине
тропинки, ведущей от пляжа и прочь,
уже не боясь, прижималась к плечу.
Дыханье ж его прерывалось в волненье.
Захлопнута дверца. Подвластна ключу,
машина заводится мягко, в мгновенье.
Дорога пуста, фонари поднимают парчу
сгустившейся ночи.*

III.

Бард:

*Перенесемся в тонкий мир,
что в нашем, грубом, есть другое измеренье.
Клавир
создания имеет много нот.
Но кто возьмёт
ответственность сказать, какой из тех миров есть плод
воображенья,
а какой реален? Или наоборот?*

*Вот комната, где небо вместо потолка, всё в звёздах.
Земля, три стенки.
Вместо четвёртой – райский сад.
Деревья, ветки,
птицы в воздухе иль в гнездах.
Не спят,
хоть и темно. По видимому, сон – условность.
В пространстве между стен друг с другом говорят
знакомые нам двое младших ангелов.
Они стоят
ногами на полу,
в пятне от света факела,
воткнутого в одну
из стен. По грани тени на земле видна неровность.*

Исабель:

Расскажи, Загадор, как же ей удалось
из нашего тонкого мира спуститься в трехмерный?
Ведь это возможно, лишь там народившись?
Все другие дороги – забрось.
Перекрыты. Сам Первый –
и тот, не решившись
нарушить законы физической сети,
придумал явление чуда.
А уж мы-то пытались, покуда

мы в свете
его отражённом живём. И то не смогли.

Загадор:

Ты права, Исабель. Многие погибли
на попытках пробраться,
сохраняя и свет,
и надежду, и знания.
Но, увы, мы уходим туда через то, что они называют
рождением,
переход всё стирает.
Можно лишь постараться
прожить, не сорваться в запрет,
чтоб в конце возвратиться сквозь смерть,
умножая страдания жженье.

Исабель:

Только тем и растём. Но она, видно, знает секрет.
Или, может, вот так проявляется чудо,
когда вероятность события так ничтожно
мала, что почти невозможна?

Загадор:

Что статистика? — Груда
вариантов с известным концом.
Есть гипотеза — точное изображение,
где похожесть, хотя бы лицом,
может быть переноса причиной.
Отображением.
Так в другом измеренье
вдруг является тело из нашего мира.

Исабель:

Женщиной или мужчиной?

Загадор:

Это как нарисуют. Переход моментален. Так рапира

протыкает пространство в сражение,
наноса безвозвратный урон.
Вот рукою веду, как по линии, раз – и укол.
А с другой стороны сразу вышла.

...

Поскользнулся. Пардон.
Со стеной тут неровно стыкуется пол.
Показалась, нога наступила на прыщик.

Исабель:

Говоря о войне.
Как посмотрят на этот побег наши тёмные силы?
Объявят охоту за телом, чтоб снова востребовать душу?
По земле будут рыскать, на дне,
где со статуей милой
Пигмалион тоже счастья пытал?

Загадор:

Тише, друг мой! Наши тёмные слышат
всё, говорят, у них уши
даже мысли читают.

Исабель:

Ты чуточку, похоже, перебрал,
греясь в свете, идущем
от верхних сфирот. Я считаю, что старейшие всё же, по сути,
живут так давно,
что умеют сказать содержание бесед по вибрациям атомов,
но
как бывшие люди,
и они не всесильны.
Лишь только Создатель, а ему – всё равно.
Шум. О чём бы его не спросили.

Переход меж мирами? Это знание первичных,
Всех тёмных и светлых. Но они не расскажут.

Слушай, может, поищем
и сами найдем, что не смеем спросить?

Загадор:

Да, отлично.

Начнём, а откуда – неважно.

Лишь бы было логично

искать. Предлагаю сперва погрузиться в публичный
архив, что на третьей сфироте.

Там, кстати, напротив

суд изящных искусств – туда могут пустить.

Может в деле каком мы найдем объяснение
или даже рецепт применения.

Бард:

Они уходят быстро. Чуть не убегая.

Решительно ногами пространство покоряя.

Варглус:

Найдут! Конечно же, не сразу, но найдут, что ищут!

Придется их опередить, изъав тот свиток, что им нужен.

Потом вернуть на место.

Как я дрожу

от злости. Ему там показался прыщик!

Какой наглец!

Им что, тут тесно?

Собрались в нижние миры, спасти кого-то там. Герои!

Ух! Не прощу! Не прыщик – щупальца конец.

Когда б не ангелы – попил бы вашей крови.

IV.

Бард:

*Квартира или мастерская?
Вот хорошо организованный бедлам,
что не претит ни глазу, ни пространству.
Лаборатория, где мастер,
отдыхая, творит свои шедевры.
Адель здесь на кушетке прилегла и в трансе
смотрит в холст, а сам маэстро
ходит в угол из угла и курит нервно.*

Пабло:

Молчишь уже который час.
Хотя бы нарисуй, когда соврать не смеешь.
Бывает часто так со мною тоже.
Говорить о себе неохота.
Вот блокнот, карандаш.
Набросай, всё же
рисунок подслушать нельзя. Перехода
с небес — да, такого события я не слыхал.
Кто бы мне рассказал,
что в природе встречается ангел?
Кто б поверил!
Видишь, как я живу? Вот вчера рисовал,
а всего-то пошёл перемерить
подрамник к холсту,
но увидел узор. Воображеньем
ведома рука, в подсознание скользя,
вдруг сама набросала портрет.
Так под ветром порыва, трепещет листва
на прямом освещенье,
и бегущие тени её чередуют рисунки коней и карет.
Их перемещенье
на стене выявляет то черты, то фигуры,
то безумные сцены, то просто слова.

Будто кто-то случайно всё подряд подбирает с натуры,
чтобы кистью с размаха на стен кирпичи...

Адель:

Помолчи!

Как больно. Правое крыло, похоже, не на месте.

Но боль! Какое чувство! Я и не знала, что так бывает.

Как вы живете с ней, не убывая?

Пабло:

Заговорила! Пики – крести!

Обалдеть, не встать! Как звать тебя, краса?

Какое имя выдано созданию при творенье?

Давай я посмотрю на правое крыло,

с момента перевязки три часа

прошло.

Все, как одно мгновенье,

пролетели. Как будто времени в природе больше нет.

О, дорогая, нам не повезло!

Крыло-то просто так. Уж ни на чём не держится.

Вот я его тяну, и вот оно отпало.

Повернись на свет,

мне плохо видно.

Адель:

Теперь под ним всё чешется.

Нет,

не достать рукой, но боль пропала.

Пабло:

Вот видишь, не обидно.

Лишь отдала полёт, как появилась речь.

Зовут то как? Как обращаются к тебе в молчанье?

Адель:

Дай поразмыслить. Есть что на плечи
мне набросить? Чуток знобит.
Мне говорили – грациозна, и полёт мой лёгок.
(Ах да, полёт теперь у вас – походка
без изменения орбит).
Тут весит всё. Так, строго
говоря, лишь бег есть быстрое движение.
Но не сегодня. Пока ещё постель.
Пока привыкнуть надо. Ноет шея.
А звать? Зови меня Адель.

Да, вроде бы находка.
Мой здешний слух не режет это имя.
С него земную жизнь свою начну.

Пабло:

Но как же ты общаешься с другими?

Адель:

Мы ангелы, нам фразы ни к чему.
Какая мерзость: мысль оформить в звуки.
Прямую связь отдать в обмен на слово?
Как точность можно поменять на муки
объяснений? Не лучше ль промолчать,
чем быть непонятым в процессе разговора?

Пабло:

Боль кончилась? Иль мне позвать врача?
Ах да, врачи не ходят по домам в моём столетье.

Адель:

Не надо доктора. Взгляни на левое крыло,
перо упало. Третье
уже с момента переноса в дом.

Пабло:

Гляжу. У основания всё снесло,
здесь под крылом,
как рваный шрам. Болит?

Адель:

Скорее жжёт, но так вполне терпимо.
Залей водой. Потом пусть сохнет. Всё – пустяк.
Здесь эти крылья так ранимы.
Они перо и кожа плюс костяк.
Там где была я – крылья мнимы.
Подумаю, и вот оно, крыло –
перемещение просто: мысль о цели,
и цель достигнута. Прикрой стекло –
свет фонаря так ярок на постели.

Пабло:

Задержать штору. Она же так ослабла!
Пускай поспит. Как сложен мир. Кому бы рассказать,
так не поверят.

Адель:

Как звать
тебя, спаситель?

Пабло:

Пабло

Адель:

Проверь, что ты закрыл все двери.
Я буду спать.

V.

Бард:

*Плита полупрозрачного металла перегораживает келью.
На ней набросанные горкой свитки.*

Пред ними Загадор, в растерянности, рядом с Исабелью.

*Он хмурится, она с улыбкой
разглядывает жёлтую от старости трубу
пергамента, и верх, и низ
раскручивая сразу.*

*Трубу, теперь растянутую в плоский лист,
она придерживает ногтем над собой в пространстве.*

*Расправленная секция ползёт, не быстро
(ведь древний свиток тот не стойкий)
краями крутится, как в танце,
а серединою висит на месте, и там бегут
неторопливо друг за другом строки,
так что пергамент, их несущий, не заметен глазу.*

Тут Загадор себя вдруг хлопает по лбу.

Загадор:

Невозможно!

В этих старых рулонах что-либо найти невозможно!

Ну когда они всё оцифруют, уже ли так сложно?

Исабель:

Не шуми! Посмотри, я нашла кое-что.

Дата смётна, но событие похоже на наше.

Подожди, вот я свиток разглажу
и тебе покажу.

Бард:

*Исабель раздвигает руки,
останавливая движение свитка.
Отступает на шаг, чтобы лучше на буквы*

ложился свет.

В воздухе проступает, медленно яснея,

фрагмент

изображения и текст, почти что слитно

подписанный к рисунку. Картинка

вспыхивает, но потом тускнеет,

в остатке виден контур, как отпечатка след.

Исабель:

Вот плато. На нём странное здание.

Но это не важно.

А важно на фронте название.

В переводе оно означает «жилище осуждённых».

И сказано дальше:

«тут души проявлены телом

в одном измеренье.

Это жизнь их последняя, без воскресенья.

Конец наказания тёмных.»

Загадор:

Судебное дело

про это должно быть в архивах. Отлученье от света –

я слышал от таком, от кого – не упомяну.

Посмотри на картинку – это что за планета?

Исабель:

Да ты прав, не Земля. Это где-то

ещё во вселенной бездонной. Но вернёмся к идее,

что давно существует

возможность перехода души напрямую,

целиком, без создания себе двойника на планете.

И старейшие этим

секретом владеют.

Загадор:

Я ревную

к их власти и знаниям. Но постой. Среди свитков вот этих

я видел фрагмент о потере бессмертья.

Дай найду.

Где ж он был? Белый свиток, где то ближе к концу, вроде тут

Бард:

Загадор поднимает трубу

из немного побеленной ткани,

на которой наклеен пергамент

и, порывшись, находит фрагмент, оглашая его на лету:

Загадор:

«Наблюдатели врут,

нет бессмертия, если связь между душами

вдруг разрушена.

На сфиротах вторую уже не найдут».

Исабель:

О какой же там связи толкуют?

Да ещё наблюдатель им нужен?

Что он видит, какую-такую

душевную связь? Но постой,

ты на днях говорил с молодыми о чём?

Да неважно. Но там был учёный

один, по всему, непростой.

И тем утром

ты запомнил его – слишком много вопросов, где ответы –
на грани секретов.

Слишком много там было в толпе, кто на это
смотрел с любопытством.

Ты сказал, он обмолвился – что-то про суперкомпьютер
на квантовом принципе.

Загадор:

Да, я помню. Эту душу найти, расспросить – не проблема.

Но ты погоди, Исабель, этот свиток –

откуда он взялся?
Быть может, неправда? Глянь, тут вот написано криво?
Подделка?

Исабель:

Подделка, Загадор, не бывает нетленной.
Обвиненье во лжи?
Кто бы в нём сомневался?
Да, пожалуй, такое не встретишь в доступных архивах.
Не спеши,
давай в переходе с тобой разберемся сначала.
Ангел, душа – здесь у нас они очень похожи,
но там, на планете,
у ангела нет ведь
бессмертной души,
правда, тело не старится тоже.

Загадор:

А ты замечала,
если тело разрушилось, умерло или убито, то это – конец?
Сколько ангелов так растворилось в эфире навечно?

Исабель:

Перестань ворошить всё сначала,
Загадор, эти раны свежи
и никак не проходят,
их залечивать – нечем!
Без души –
на земле не жилец,
хоть ты кто – всё равно ты погибнешь в природе.

Загадор:

Отложи
эти речи.
Помолчи. Я ведь помню их всех, как сегодня, живых.
Да, Адель надо срочно спасти,

ищем дальше, чтобы новую вечность
по ней не грустить.
Мы почти подошли к пониманью.

Бард:

*Только в воздухе вдруг появилось мерцанье,
дальше маленький вихрь или шквал,
покрутился и сгинул.
Гаардвал
из него сделал шаг,
распрямляя согнутую спину.*

Гаардвал:

Какая компания!
Исабель, Загадор, вы в архивах!
Ужель узнавание
истории мира
является пищей?

Загадор:

Гаардвал! О, старейший и высший,
скажи,
если ангел, как есть, воплотится
для жизни на некой планете и там вдруг умрёт,
он обратно сюда возвратится?

Гаардвал:

Без шансов. Он не сможет решить,
в каком направлении прибежище наших сфирот.
Человек к нам приходит, идя за души половинкой.
А у ангела нету зеркальной души.
Потому-то он, кстати, никогда и не врёт
в разговоре, но это – побочное свойство.
Ему нужен маяк, чтоб искринкой
своей указал ему вектор возврата.
Только странен вопрос твой.

Что тебе непонятно?
Ужель за ответом вы явились сюда?
У тебя беспокойство
в глазах, говори, не тяни через вечность.

Загадор:

Да такая вот ерунда.
Адель вдруг исчезла, беседуя с нами.
А после нашлась на Земле, целиком в человеческом
обличье.
Там шумела вода, крики слышались птичьи.
А потом её след затерялся в тумане.
Может быть, чтоб она перешла без рожденья, как есть,
обретя себе тело земное?

Гаардвал:

Дайте стул. Надо сесть.
Что не мною
открыты пути меж мирами, вам понятно.
Да, спасибо за кресло, мой друг.
Вот ведь новость! И как неприятно!
Формально, её отыскать, для умеющих рук,
не проблема.
На крайний –
послать купидона. Он найдет.
Но реально,
её уже нет. Раз уйдя со сфирот,
она больше не сможет вернуться.
Это физика тонкого тела.
Как случился её переход?

Исабель:

Нам не ведомо. Она со мной пела,
потом говорили о чём-то,
смеялись, как вдруг её контуры чётко
так осветились

и вспыхнули, впрямь посреди разговора,
а дальше прозрачными стали,
и она растворилась
почти что мгновенно.
Лишь пустое пространство осталось для взора.
Мы сперва растерялись,
позвали,
но ответом лишь ветер.

Гаардвал:

Все ж, о чём разговор был, вспомнить сумеете?

Исабель:

Мы вели диалог об искусстве, как инструменте
познания мира.
Говорили об истине, непременно
замешанной в красках, незаметно
живущей в рисунках,
как в пробирках
научного эксперимента. Как, по сути,
из глаз на портрете
удачном душа никогда не уходит.

Загадор:

Но Адель говорила, что живопись больше не в моде.
Что теперь на Земле все работают с цветом и формой
в абстрактной манере.

Гаардвал:

Да известное дело.
Как будто их души не кормят,
как прежде, своею энергией сферы.
Они смотрят, не видя, коверкая
линии тела,
рисуют, ваяют
напрямую открытые чувства,

не скрывая
подспудно в свечении кожи
волну вдохновенья искусства.
Только редко выходит похоже.

Что художники? – говорить почти не о ком.
Но когда получается образ, то может случиться,
что в это же время им ангел поможет
словами, раздвинув мгновенья.
И тогда этот ангел вдруг сам воплотится
на портрете своём иль из пены морской –
человеком.

Вот и весь переход. Загадор,
но послушай внимательно – есть ещё один способ.
Его описание разбросано
по кусочкам по свиткам с легендами разными.
Невозможное в этих сказаньях – всего лишь помеха
устройства.
Она – словно красная краска на бледном рисунке
сюжета, что сам по себе так обычен, до скуки.

Переход – он почти не описан, но, по сути,
его результат – это главный герой всей истории будет.
Так бывает частенько, решение подсунуто
прямо под глаза,
но при этом не видимо людям.
Да, на каждом фрагменте есть указатель,
что похож на ошибку. Кто истину знает, тот неточность
увидит.

Исабель:

А сколько их вместе всех этих фрагментов, кусочков
составляющей нити?

Гаардвал:

Кто ж считал все легенды и мифы?
Но во многих есть что-то,
что путь размышленью укажет.
Я не смею вам просто сказать – это тайна,
старейшие мне не простят разглашенья.
Опишу, чтобы им невдомёк.
Информация, с краю,
прилегает вплотную к Всемирному Уравненью.
Игнорируйте грифы в архивах,
смотрите во всё, что вам под руку ляжет,
один лишь сюжет будет там поперёк.
Там такой переход – это чудо, прошедшее, скажем
так, без помехи,
но, увы, оно стало основой Веры,
и поэтому сверху
опять
мы не можем его повторять.
Хоть и вехи
на путь перехода ведут, эта дверца теперь без ключей.

Исабель:

Гаардвал! У тебя из плечей
вырастает огонь.

Гаардвал:

Все же я проболтался!
Исабель, тот ключ, что от Веры, не тронь!
Остальные годятся!

Бард:

*Ужастик, словно комикса картинка –
у Гаардвала со спины и из груди,
в обоих направленьях
сразу, изнутри
наружу вдруг вырастают половинки
одной стрелы. Та, что имеет оперенье*

*дымится в пламени, а на другой краснеют
угольки под наконечником.
Когда ж концы оружия перестают расти,
он мертвым падает сперва на плечи,
потом плашмя на спину. И руки, сжатые в горсти,
вдруг раскрываются, и каменеет тело.
Вот Исабель бежит к нему, спасти,
но прикасается
едва,
как тотчас пылью белой
он рассыпается.
Сквозь пепел пробивается трава.*

Исабель:

Я коснулась руки, и его больше нет! Кто убил?
Первый раз наблюдаю, как ангелы вдруг умирают.

Загадор:

Кто убил –
разве важно?
Важнее за что? Неужели за то, что он нам говорил?
Исабель, мне становится страшно.

Бард:

*Загадор отступает к стене и разводит руками.
По его повелению каждый пергамент
становится толще
и потом распадается на копию и первоисточник.
Оставляя последний
на месте,
он сжимает все копии в тесную
стопку
и пытается с ними из кельи
бежать,
но даже на шаг
он не может продвинуться, только лишь боком*

с трудом развернуться. Ему трудно дышать.

Загадор:

Почему не могу я вернуться обратно на нашу сфироту?

Я ж забрал отражение свитков, и только.

Давай, Исабель, помогай.

Почему-то нам нету отсюда пути!

Исабель:

А я повороту

такому не удивляюсь. Если ангел убит, значит, так понимай,
то, что знал он,

не должно никуда перейти.

Гаардвал помешал.

Кто ему запретил

говорить? Мы тому же мешаем,

но достаточно нас запереть.

Мы секретов не знаем, ничего не решаем.

Наша смерть –

ни к чему.

Загадор:

По уму,

лишь пока ни к чему. Что ещё тут случится –
нам не ведома эта интрига. И куда всё ведёт, не понять.

Но куда бы всему ни катиться –

переход в планетарную жизнь

ищем дальше.

И, видать,

надо б быстро.

Это чувство, что надо спешить,

объяснить не могу.

Ко всем средствам запрета на знание,

это – убийство

стрелой. В мире нашем

стрела или меч – это тоже живое создание,

принявшее форму предмета.

Но вопрос – по чьему повелению? – пока без ответа.

Исабель:

Никуда не сбежать.

Но хотя б заперты мы с возможным решением проблемы.

Так, спасая себя, мы изучим тюремные стены.

Что ещё остается?

Загадор:

Нам придётся

пройти через многое множество свитков.

Чтоб найти в них неточность, которая ключ,

нам придется сшивать их невидимой логики ниткой,

а потом обсуждать. Случай

тем тяжелее,

что скудны наши знания в сравнении

с объёмом архивов – это капля в потоке.

Исабель:

Да, согласна, это крохи –

такие, что мы понимаем едва, – вот и всё, что дано.

Так с чего начинаем? Есть ли дно

в этих нишах, а стенки у полок?

Бесконечности сена не важны размеры иголок.

Загадор:

Я искал бы неточность, как расхождение

между тем, что написано, и что достоверно известно.

Пусть, хотя бы в легенде, но повсеместно

во всех её версиях, в непроверенных,

в первых,

совпадает сюжет, но в какой-то окажется разным

в одном выражении.

Это ключ будет мой.

Ни к чему не привязанный,

очевидный, простой,

как ошибка писца.

Начинаем с древнейших легенд и идём до конца.

Исабель:

Загадор, я увидеть неточности нить

смогу только в том, что я знаю.

А все прочие тексты, увы, лишь погибель –

столько мне не сравнить.

Ты штудируй легенды и сказки, я ж пока пролистаю
писанья религиоз.

Бард:

Они затихают, словно в трансе –

каждый в своём углу,

окруженные висющими

фрагментами свитков.

Видимая часть кельи сворачивается в круг,

а тьма заволакивает избытки

остального пространства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Бард:

Утро в поздней фазе.

Туман клубится в ожидании светила.

*Дверь в домик. На стоптанных ступенях морось,
на нижней – явные следы от грязи.*

*Чуть вдалеке – проезжий путь
забит авто. Забывшие про скорость,
они ползут неторопливо.*

От сырости дверь в студию перекосило.

*Собака гавкает за дверью, подбегая,
как только Гая*

тыкает в отверстие замка

ключом,

им шевелит и про себя бормочет,

движенья комкая,

сон краткой ночи,

разгоняя.

Гая:

Какой тут всё же грёбанный замок!

То вдруг прокрутится, а то застрянет в повороте.

Сказать хозяину, чтоб заменил. Когда бы смог.

Пабло:

Полноте,

сеньорита! Помочь позволь, а то шумишь.

Гая:

А, Пабло, ты с той стороны, напротив

двери, и ты не спишь!

В свой выходной? Ну, открывай мне, чёрт!

(Похоже, ключ подох.)

Или ты пил всю ночь?

Опять за старое, что, голову снесло?

Пабло:

Ну что ты, Гая!

Тут такое произошло!

Как рассказать, с чего начать – не знаю.

А ты-то, что

ко мне в такую рань дверной замок ломаешь?

Концерт здесь твой назначен лишь на вечер?

Гая:

Да заскочила, я тут недалеко

сегодня помогаю в одном доме. Но на тебе лица почти что нет!

Пабло:

Я тут давеча

девушку одну нашёл. Она вот спит ещё. Давай пока потише.

Она – мой ангел.

Гая:

А, женщина и Пабло!

Ну привет!

Вновь крыша

съехала твоя.

О, мой романтик! Ей дам два дня,

ну, может быть, неделю, как разбежитесь.

Нашёл? Признайся – спас от беды?

Ну, просто рыцарь-витязь

какой. Пойди, умойся. Кстати, дай стакан воды.

А лучше нет, поставь кофейник,

всего девятым час, расскажешь всё за кофе.

Пабло:

Да ангел. Ну, быть может, фея –

всё мне внове,

я ничего не понимаю – крылья, кожа.

Про твой концерт – всё есть. Вот стулья, Васька приволок,

складные. И микрофон с динамиком от караоке.
И светомузыка на потолок.
Да на фуршет – пирожных.
Он от тебя, похоже, без ума.

Гая:

Хоть программист, но страсти нам не чужды.
Я и сама не против. Он хороший,
опять-таки и при деньгах, что нужно.
Я вижу, всё с концертом на мази.
Ну, расскажи же мне про ангела и фею,
а то бестактно ляпну что-нибудь про нас – она уйдет. Прости,
ты это хочешь, Пабло?

Пабло:

Не вздумай! Она вблизи ещё милее,
чем всё моё о ней воспоминанье.
Я наглядеться не могу!
Смотрю, всё мало!
Она прекрасна, как бывает
рассвет над дальним горизонтом, над холмами.
Я у неё за вдохновение
в долгу.

Гая:

А дальше?

Пабло:

А дальше – я в её присутствии растерян.
То речь бегу,
слова мешая,
как в азарте, то строку
теряю. Мы обсуждаем
лишь необходимость. Как выжить ей,
как говорить на языке людей.
Какие, как ей принимать решения.

Гая:

Она что, иностранка?
Беженка страдания и лишения?

Пабло:

Считай, что так. Из стран, которых нет на карте.
Она с небес. Она – прощение
моему карандашу и кистям за весь тот хлам,
который я писал все годы.
За бесталанность, ремесло, гордыню без причин.
Она мой храм,
где купол – небосводом.
Жизнь до неё, которую влачил –
теперь существование. Как я мог!

Гая:

Мой бог!
Да ты влюблён! Она хоть это видит? Пабло в любви!
Немедленно подай мне сигарету.
Спасибо. Это страсть.
Ты мне не ври,
как выглядит? Особые приметы?
Татуировка, волосы, откуда же она взялась
такая?

Пабло:

Ты не согласишься. Я, сам того не зная,
нарисовал её портрет.
Потом поехал прикупить еды и сигарет.
А возвращаясь, вдруг её нашел.
В заливе, на камнях,
где изредка лишь рыбаки стоят
под вечер,
и то пока их не накроет мгла.

Гая:

Ты что, её нарисовал карандашом

набитым травкой?
Ты шутишь! Или опускаешь нечто.
Ой, чёрт, я кофе пролила!

Пабло:

На, вот, вытри тряпкой.
Я после этого пытался повторить портрет.
Но жалкое подобье.
Не выходит. Извёл холстов и красок весь почти запас.

Гая:

Влюбленный рыцарь, кисточки – не копья.
Перегорит, и всё получится тотчас.
От чувств остынь – и нарисуешь, и слова найдешь для речи.
Она могла найти твои рисунки на помойке?
Немного грима, и подстроенная встреча?
А может, розыгрыш, а ты уже поплыл, нестойкий
перед красотой?

Пабло:

Постой.
Сгущался вечер.
Нет, авто заглохло, и я вышел. Крики птиц, и недалече,
на камнях отлива, фигурка
в поясице преломилась.
Нет, то не шутка.
Сомнения нет, она явилась
передо мной тогда в вечерний час.
Ты мне не веришь?

Гая:

Верю, но в пляс
любви пока пускаться – упаси.
Не доверяй себе, о Пабло!
Всё. Некогда сидеть, пора.
До вечера.

Не провожай, я выйду тихо. Мои часы,
хоть с батарейками,
но все же встали.
Иль я состарилась,
что хода времени не ощущая, лишь бегаю,
едва работу вдруг подбросят
какую редко.
Да, встали. До сих пор всё восемь,
с теми же копейками.

II.

Бард:

Злодей и одиночество.

Они не делимы.

*Есть в том вселенская усталость
от повтора.*

*И в зле есть творчество,
хотя не сразу зримо.*

*Что тонкий мир, что наш твердо-
размерный – спасает щедрость, наблюдающая жалость.*

.....

Нет декораций,

нет вообще границ пространства.

Он шевелит ногами, но под ним нет дна.

*Панели стен, то собираются
в многоугольник, то разлетаются
опять движением гардин.*

Одна стена,

что флаг под ветром плещет.

Подсветка серая, и по углам – багрянцы.

Черты лица то смазаны, то проступают резче.

*Шаги размерены, плывёт или летит,
а кажется, что в танце...*

Он Малколам, он сам с собою на один.

Малколам:

И петухов раздастся крик четвёртый.

За чёрствый

хлеб, за скисшее вино

*не на живот, а на смерть. И чем мёртвый
живого лучше?*

Тем, что всё равно

ему. Покуда тучи

застилают землю,

покуда ветер с ног,

я всех приемлю,
как платёж в оброк.

Вот и старейшего отправил в пустоту.
Нехитрым способом, закон о тайнах Гаардвал нарушил,
стал беззащитен, потому
его простейший купидон свалил.
Печально лишь, что честно службу
сослужил,
а сам при этом растворился в небытие.
Но этих ангелочков – стрел бросовых пернатых –
влюблённые рожают непрерывно в своём нытье.
Их только приручить нужны затраты
да терпенье. Сегодня вот, пока ещё в сырую,
их новая прибавка
(видно, с Земли) прелестных и розовощеких.
Кто в нашем мире доживёт до завтра,
тех пересмотрим и отсортируем.
Жаль большинство из них исправно
теряют свойства.
Любовь без верности придать не может форму купидону,
а верность – это та же стойкость.
Так высыхает всё, что кажется бездонным.

.....

Ты циник, Малколам. Зато правдивый. Век в одиночестве
отучит от лукавства.
С твоей гордыней в нашем тонком царстве
не хочется
найти себя в полнейшей темноте.
Что знание? – только форма света, богатство,
сохраненное в тщете.

Бард:

*Вот Малколам отодвигает как бы плёнку
воздуха, подходит к тени в нише.
Что-то шепчет, открывая крышку*

*проявленного из тумана сундука.
И вот его мохнатая рука
уже несёт к груди чуть бледного ребенка.*

Малколам:

Пора, пора.
Вот свежий купидон.
Пока влюблён
художник в свой предмет искусства,
пускай летит стрела.
Мне надо купидона к наступлению утра
успеть послать к Адели. Он в ней включит чувство
к Пабло. Да, это без сомненья,
она же человек теперь,
подвластная страстям и правилам творенья.
Вот, верь – не верь,
бывает, провиденье
подарит там, где раньше было пусто.

Так. Купидона выкупать, костям придать расположение,
похлопать по щекам, в нос дунуть – и готов
к отправке.

Да записать событие в тетради.
Шикарен! На младенце ни помарки,
лишь родинка под левою лопаткой,
но не беда. Нет больше колдунов,
чтоб купидона цель перенаправить.

Бард:

*Он делает всё то, что говорит.
Взволнован, но все точные движенья,
так экономны. А тёмный глаз его горит
от раздраженья
иль от предвкушенья?*

Малколам:

Ну вот и всё. Отправлен купидончик
по линии земной почтовой
срочной
связи. Теперь, едва Адель проснётся,
он будет ждать её готовый,
чтоб стрелкой просверлить ей сердце.
Пускай наш ангел остаётся
на Земле. Теперь ей никуда не деться –
ничто прочнее ангелов не держит, чем к человеку чувство.
Желанье разделять и радости, и боли.
Любовь? – как это грустно!
Пусть остается там, где вирусу раздолье.

III.

Бард:

*Вот Пабло, посредине мастерской
глядит на холст
с изображением Адели.*

*Носок
ноги касается мольберта, в руке закрытая коробка
акварели,
на голове – берет.*

Пабло:

Я пишу твои волосы, и пальцы перебирают ветер.
Я пишу твои руки, и краски бросает в жар.

Кто в ответе
за то, что тебя я встретил?
Кто там, что наверху решал?

Я бежал,
торопился творить –
теперь вижу, как это мелко.
Твоего взгляда нить,
как струна
и по ней следя, видна немая
суть.

Терпкое
на вкус, между нами пространство не имеет ни дна,
ни верха.
В перебоях дыхания понимаю –
человек сотворён, чтобы испытывать красоту.

Бард:

*Дверь спаленки в торцё стены,
где как бы небольшая сценка,
ровняет угол мастерской,
распахивается. В солнце спектра,
сквозь дверной проём видны:*

*кровать, приотворённое окно под занавеской,
подшитой разноцветною тесьмой.
Края у шторки дышат ветром.*

*Чуть-чуть плывущими шагами,
как будто, вроде
воду раздвигает,
в лёгкой мужской рубашке
прямо на тело, Адель выходит
и на месте замирает.
В руке зажат журнал в бумажке.
Копна волос, затянутая линией бечёвки.
Рубашка длится до начала бёдер,
где сразу ниже края,
на стройной ляжке
синее молния татуировки.*

Адель:

Пабло, кто это женщина, что побывала утром?
Какой чудный, какой бархатный голос.
Это твоя жена? Я задремала, мне так трудно
в этом шуме спать. Здесь каждый звук пронзает,
а один был очень сильный. Я от него проснулась.

Пабло:

Так то был поезд.
Он тут по улице по рельсам проползает
и так гудит, что сводит скулы.
А женщина была – так это Гая.
Сегодня – только лишь подруга.
Мы вместе
были много лет. Она певица. Когда б её ты услышала,
тебе б понравилось. Она – царица звука
и даже замещает в опере, но честно,
приятнее, когда поёт она то джаз,
то кантри.

Её услышать есть сегодня шанс
на дружеском концерте,
здесь в мастерской. А так-то вряд ли
где ещё. Лишь разве запись в интернете.

. . .

Но что ты покачнулась? Всё ль в порядке?
От крыльев больше ни следа, ни ямок.
Болит ли что внутри?

Адель:

Ах Пабло,
просто головокруженье.
Я привыкаю к телу, и оно немного непослушно. Повтори,
что там про пение
сегодня? Но у меня же платья нет!
Вот шлёпанцы и старая футболка.
Я посмотрела тут в большой конверт,
где был журнал; в журнале – все одеты.
Он у тебя ж на полке.

Пабло:

Да, в моём шкафу не встретить женскую одежду.
Я позвоню своей подруге – Анне,
что прежде
была экспертом в модах. Она тебя оденет
и обует,
и в город выведет. Вот деньги,
пусть в твоём кармане
будут.

Адель:

Спасибо, Пабло, балуешь! Откуда это дует
так сильно? Потянуло гарью и ветром с солью?

Пабло:

Пабло:

Не чувствую. Закрýто вроде всё.
И дверь, и окна,
лишь одно окно,
что в спальне распáхнуто.
Вообще откуда в городе так может пахнуть?
И дыма нет. А может, это краска только?
Иль нафталин?
Я с молью
тут недавно бился насмерть. Купил
субстанцию, поддавшись на рекламу,
но я не чувствую, о чём ты говоришь.
Дай подойду и рядом встану.

Адель:

Уже прошло. А может, показалось.
Мне всё здесь вно́ве. И шумы, и тишь.
С тобой я здесь, пожалуй бы, осталась.
Что ты молчишь?

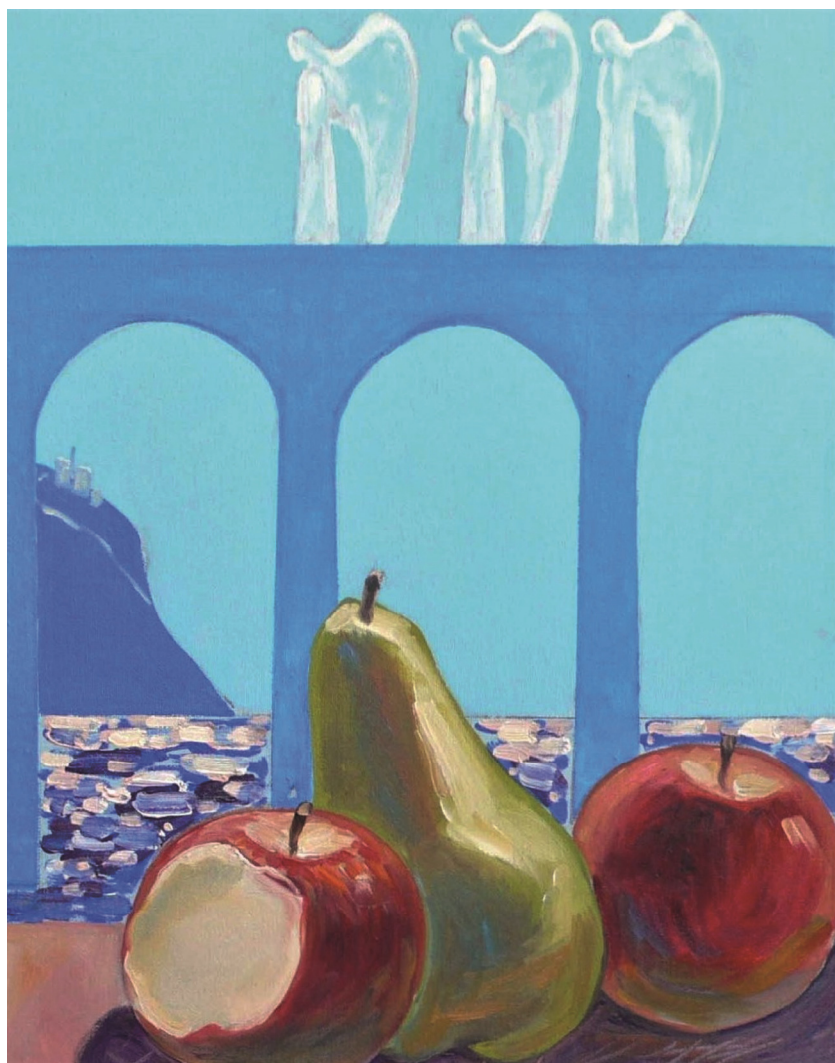
Пабло:

Мне кажется, что ты дрожишь.
Возьми, вот тёплая накидка, вот рейтузы,
их Гая позабыла здесь с тех пор, как тут жила.
Ну и дела,
от девичьей забывчивости плюсы.
Там что, пожар?
Какой-то гарью вправду тянет, с низу, что ли, с плазы
торговой. От запаха куда бежать?

Бард:

*Звонок по телефону,
речь рекой,
короткого прощанья нежность.
Подруга Анна, шопинг.*

*белеет личико младенца
за занавеской
и, еле видимая глазу,
иглолка пара в складках
на одеждах из под лопаток
у обоих, там, где сердце.*

IV.

Бард:

*Вот тонкий мир опять. И наши двое
всё в том же limbo,
в окруженье свитков,
висящих, свёрнутых, наваленных в проходе.
В надежде, что какой-то приоткроёт
им тайну знаков перехода, либо
они поймут, что было очевидно
Гаардвалу.
Какая попытка
текст смотреть, в нём мало
понимая, и то лишь вроде.*

Загадор:

Послушай, Исабель, за повторение прости.
Нам Гаардвал когда-то говорил: ключей-разгадок – много.
Что на поверхности они для тех, кто разглядит
последствия от перехода.
Но чтоб увидеть и понять, про переход
нам надо знать, как тот
работает или как он сбоит.

Исабель:

Стоп!
Как сбоит? Тут весь ответ зарыт.
Отказ устройства –
это ведь не просто.
Что с ангелом случается, когда иль если
он в переход
вошёл, а в нижний мир не вышел? Умрёт
ли тело, едва воскреснув,
или останется какой урод иль монстр?

Загадор:

Скорей, урод.

Никто не говорил, что только в ангельском обличье
являться ангел может, и почему наоборот
нельзя? Допустим, в человеко-птичьем?

И в нашем тонком мире есть ангелы,
что формой не похожи
на людей. Ничуть. Кто как захочет,
выбирает
свой внешний вид. И мало ли
с периодичностью, легко
он вдруг его меняет
на другой.

Была бы форма к настроению пригожа.
Хоть ты кентавр, хоть ты пёс, с змеиной головой.
А от того, что циклы прожил
ты человеком, не значит, что она лишь и возможна.
Что гуманоидною формою какой
лишь ограничен.
Послушай, я встречал прямоходящих птичек
и даже видел сонм летающих лисичек.

Ты знаешь, форма – это собственность души.
Покуда же душа замкнута в брэнном теле,
суть человека настоящая видна лишь в деле.
Какую он решил,
лишь только ангел принимает форму.
Сегодня он такой, а завтра по-другому.
Так видит он себя, но главное, в гармонии
с неслышимым другими скриптом.

Исабель:

Подожди. Боги в древнем Египте?

Главный Ра - он же с птичьей ходил головой?

Наунет же носила змеиную на плечах
или рыбью.

Загадор, если следовать логике той...
Стой. Сейчас.

. . .

Сухость в горле, дай что-нибудь выпью.
Как становится жарко на этой сфироте.
Мы по-прежнему заперты?

. . .

Слушай, вроде бы
всё стыкуется, заполняя собой пустоту.
Сперва-наперво,
вспомни, египетский бог Монту –
«Фив владыка» его называют,
он же тоже гибрид, тоже грозен
по старым преданьям.
Тоже сокол прижился в портрет божества.
Тело ангела так воплотилось при переносе.
Неспроста
столько в Египте богов с головой
не людскою.
Как похоже на сбой,
на ошибку одного и того же устройства.
Если мы так догадки построим,
что все свойства
сойдутся, то в египетских свитках найдется
действительно много ключей.

Загадор:

Теперь ты придержи излишние речи
на минуту.

Где-то было, что их пирамиды
не просто большущие кучи камней,
а что это машины, как будто

для ухода в другие миры.
Они там, на Земле, до сих пор изучают их тайны.
Непонятного много. Но, допустим, в стараниях
учёных есть правда, и что эти строенья
служили тем целям, но лишь до поры.

Это даже логично, что в них хоронили потом,
как умели, поближе к воротам
в загробную жизнь. Так сказать, по дороге сюда.
Я не помню уже, что случилось,
но надёжность машин изменилась.
Катастрофа была, и поднялась вода,
или как-то ещё развалились
настройки, и ворота закрылись.

Исабель:

Ты считаешь, что звероподобные боги –
воплощение ангелов, пускай немногих,
барахлящей машинкой в конце перехода?
Это смело.

Загадор:

Но подумай, ведь есть же природа.
Какую часть тела
сложнее всего передать меж мирами?

Исабель:

Ты прав, и поэтому в храме,
в процессе, что скрыт в пирамидах,
голова из подвидов
животных, как сбой перехода?
Где ещё, кроме стен пирамид,
мы встречаем такое?

Загадор:

А как тебе Крит?

Бороздил же его лабиринт
Минотавр с головою быка?
Что там было по центру того лабиринта?
Не ворота ль в другие миры
он собой запирает
в те века?

Исабель:

Лабиринт как портал?
Всё пока получается слитно,
кроме вот одного:
если ангел умеет любое обличье принять,
то зачем нам портал?
Нам бы только до нижнего мира добраться,
а уж там выбирать
человеком ли, птицей какой нам удобней остаться.

Загадор:

Подожди, Исабель. Ты умеешь менять свою форму?
Я – не очень. Я пугаюсь и трушу,
лишь в теории знаю, что это возможно,
но как был человек, так теперь и комфортно.

. . .

Тут и вправду становится душно,
и это тревожит.
Но послушай,
есть божественный свет,
и он точно умеет
проникать сквозь миры своею дорожкой.
Им пронизано всё, в том числе,
даже камень на прочной скале.
Если стать некой формой, хотя б на мгновенье,
чтобы с этим лучом сочетаться,
то вот твой переход и случился.

Исабель:

Надо стать информацией,
мыслью,
в этой форме легко сопрягаться
с носителем света.
Но для этого надо быть чистым,
без налёта
раздумий и грусти, и воспоминаний
о зле.

Загадор:

Ангел в принципе чист, что приятно.
Есть одна лишь загвоздка, что багаж наших знаний –
это наша печаль. Чтобы с ним на Земле
оказаться нам нужно устройство,
которое может из света нас собрать воедино обратно
по образу тени. И это не просто.

Исабель:

Да, по проекции тени легко ошибиться.
Так и голову птицы
вместе телом коровы
можно слить воедино, и уродом таким воплотиться.

Загадор:

Исабель, я люблю, если ты вдруг пошутишь.
Как сверкают глаза и сдвигаются брови
на прекрасном лице.

. . .

Но что это? Я не чувствую больше движение крови
в себе. Стало жарко и душно,
затруднился дыханья процесс,
сжались легкие, словно горят.
И, по-прежнему, некуда выйти отсюда.
Нет ни стен, ни границ,
только плотность пространства в стократ

поменялась. Кто-то злиться на нас,
будто хочет убить в безвоздушном мешке.

Исабель:

Ты прав. Очень хочется пить.
Горло, словно в каком порошке,
и я тоже стеснение дыхания в себе ощущаю.
Вот попробую форму принять, что не требует воздуха, влаги.
Пусть пространство меня поглощает
движением дали.

Бард:

*Вижу я, как сгущается тень и в неё Исабель исчезает.
Только воздух дрожит
там, где тело её находилось минуто назад. Да накидка
лежит
на полу, прикрывая пустые сандали.*

Загадор:

Исчезла! Это ль выход отсюда? Поменять свою форму,
попробовать что ли?
Только как быть с одеждой? И в кого иль во что воплотиться
усилием воли?

Бард:

*Воздух снова дрожит.
Где остались накидка и обувь,
вдруг вращается маленький вихрь, но недолго –
в наступившей тиши
на полу лишь одна пустота.
Ни сандалий, ни платья.
Загадор отступает на шаг, без понятия,
что такое
случилось.
Озирается, как от напасти какой.*

Но опять

*появляется тень. На полу шевелится,
из неё возникает бедро, и потом, с верх поднятой рукой,
проявляется тело. Исабель, вся как прежде,
выходит из тени всё в той же одежде,
только с птичьей теперь головой.*

Загадор:

Исабель! Что с тобой,
ты ли это? Что птицею стала?
Ты пугаешь меня, эти перья и алчущий клюв.
Как Монту или Ра, только без пьедестала.
Превратись же обратно, молю!

Бард:

*Исабель, распушив воротник из расцвеченных перьев,
всплеснула руками
и из зверя
опять стала женщиной с модной прической, с глазами,
подведёнными тушью,
но с серьгой египетской в ушке.*

Исабель:

Здесь по-прежнему душно!
Загадор, посмотри, я опять, как была, побывавши снаружи.
В то же место и время вернулась. Это, право, легко.
Верь в свой будущий образ, и всё получается, друже.
Слегка неуклюже,
я сначала ушла босиком,
но потом за вещами вернулась. Ну же,
попробуй. Это как в воду с разбега.
Представь себе свет и прыгни в него,
ну а вынырнешь – вновь в человека.

Загадор:

Ну а что с головою звериной?
Как так получилось?

Исабель:

На переходе обратно,
я решилась попробовать, ну нельзя же идти на попятный,
и с птицею слилась.

Загадор:

Это в рамках единого мира
легки нам старанья.
Ну а как меж мирами по лучу пробираться?
Свет приносит тебя без сознанья.
Как понять и как выбрать
живую природу, в которую там воплощаться,
чтоб при этом не стать аберрацией?

Исабель:

Вот для этого создана мать.
Загадор, как сказать,
может, женщина – это
и есть разновидность портала для вышнего света?
Как рожденье ещё описать
по-другому?

Загадор:

Да, всё складно. И даже, по-моему,
совпадает с религии догмой.
И, знать, потому не годится, как путь перехода.

Исабель:

Точней, не подходит для нас. Не забудь, что рождённый
младенец
не хранит свою память.
Он чист. Изначально
ни мыслей, ни тени,
ни знаний печали.
А станется
что из него, как расправить

сумеет он крылья всесильного духа –
всегда непонятно.

Загадор:

Что такое? Меняется форма пространства
под нами, вокруг, наверху.
Посмотри, Исабель! Тут что-то не ладно,
расползается время, движение становится долгим,
и свет красноватый
лучами пронзает твою отстраненную руку...
Мы, похоже, отправлены в ссылку, в дыру.
Мои ноги,
они тоже пронизаны красным!
Если мы перейдем горизонт невозврата,
это будет ужасно!

Исабель:

Да, я вижу сквозь пятна,
что ползут по плечу
твоему, Загадор, незнакомые звёзды.
Бежим по лучу,
что течёт здесь рекой,
пока можем его ощущать направление.
Покуда не поздно!
Из вселенной
другой,
ох, не скоро мы сможем вернуться обратно.
Давай, представляй себе свет и прыгай в него.

Бард:

*Не теряя мгновенья, оба ангела вспыхнули жёлтым
цветом с чуть белёсым
оттенком,
и вдвоём растворились... То место,
где были тела, заштопано
красною сеткой*

лучей. Потом, постепенно бледнея, исчезает та сетка.

. . .

Из тьмы, поначалу нерезко,

в зеленой подсветке,

появляется рог и лицо.

Дальше щупальце,

растущее вместе с рукою.

В конусе света видно некое русло.

Сухое,

из каменных плиток.

По нему удлинённое тело течёт.

Спрут приподнял плечо,

зажатый в ладони виднеется свиток.

Варглус:

Малколам напортачил. Нельзя же так грубо

отправлять их в обратное время,

как в ссылку. Он завёл в Уравнение

моё появление,

чтобы я придержал их. Но они улизнули!

Мне отмерено скупое

сегодня пространство и силы.

Не хватило

мгновенья.

Архивы зазря утонули

в изначальных эпохах.

Но в каких? Эти чёрные дыры – машины

обратного времени. Неточны, что плохо.

И зачем их придумал Всевышний?

V.

Бард:

*Теперь
перенесёмся в мастерскую Пабло,
но несколько часов спустя.
Василий входит, цветы и одеяло
неся
в охапке и плечом толкая незапертую дверь.*

Василий:

Вот дела.
Открыто. Замок здесь, что ль, для декорации
совсем? Давно ли не было потерь?
Тут город. Воры, если не убийцы,
приходят запросто.
Да, надо бы повесить одеяло на эту дверь.
Для звукоизоляции,
а то соседи настучат за шум в полицию.
Шериф здесь местный – зверь.
С ним лучше не сцепляться.

Тем более, что в городе объявлен карантин
и комендантский час,
как раз
тогда, когда у Гаи представление.
А что поделаешь? Когда живёшь один,
Точней, одна и деньги зарабатываешь пеньем,
То надо петь.
А ведь могла бы жить со мной,
ни в чём беды не зная.
Моих доходов хватит на двоих.
Она мне говорит, что только псих
захочет быть с певицей безработной
и бедноту терпеть. Ах, Гая,
как ты права!

Я помню, город
был совсем другим ещё недавно.
В нём, где не надо,
не росла трава.

Ноябрь помню. Сан Франциско. Джаз.
Ни масок. Ни бомжей на перекрёстках.
Я убежал
из времени. Сейчас
оно другое. Гротескно, грустно, постно.
Мой город сверзся с пьедестала в грязь.
И приподнять его мне память не поможет.
Цветные домики – облупленная краска,
трещин вязь.
И люди в масках.

Гобой безумствует, подыгрывая вслед
закрытым улицам по тупикам районным.
И смысла нет шептать себе про бред,
поскольку бред вошёл в законы.
О, заочный свет!
Заокеанский рай.
Какая грезится ещё Полинезия?
Не ходит больше городской трамвай
к закрытым наглухо дверям музея.
И сеет
грусть заглушенный проспект
неторопливым редким пешеходом.
Гуляющим из ниоткуда в никуда,
смотрящим вдаль,
как исчезает свет
светила, заходящего за воду.
Итак,
закрытый бар. Забыченный причал.
Веселой жизни брошены хоромы.
Лишь музыкант, играющий печаль, –

работы вдоволь на оркестр похоронный.
Веди ж, труба, неджазовый мотив
здесь, где тумана стужа
капает с плеча.
Летит и кружит
время, проглотив
комков натруженного
горла трубача.

. . .

Всё, хватит мне хандрить.
В реальность мысли повернулись.
Расставить
стулья
максимально плотно,
но так, чтоб можно было проходить.
Оптимизировать пространство
от сцены к стенам. Полотна
Пабло чтобы не задеть, – дистанцию
со стороны оставить.

Бард:

*Василий движется по мастерской, весь в хлопотах,
готовится к концерту.
То наклоняется, чтоб провода расправить,
то, чтобы свету
лучше падать, прожектор переносит из угла.
То с грохотом
отодвигает в сторону мольберт.
Потом садится, пишет объявление,
что «не привившимся здесь входу нет».
Как Гая говорит – «коль ты клала
с прибором на постановление
властей, то с эпидемией бороться помогла
хотя бы тем, что требуешь прививки от входящих.
Пусть бессимптомно вирус их закружит»*

*Он лезет в ящик,
достаёт коробку кнопок
или гвоздей, не разобрать, и плохо,
потому как криво, листок вколачивает
в дверь снаружи.
Едва закончил, как вбегает
Гая,
ища Василия, он, видно, сильно нужен.
Наткнувшись на него почти вплотную,
увидев, замирает, взяв паузу немую.*

Гая:

Василий, дорогой, осталось полчаса.
Куда пропало время?
Мы не успеем!

Василий:

О Гая, успокойся. Накрыт фуршет, вот сыр, вино и колбаса,
нарезанная разная закуска, чтоб публика могла
потусоваться.
Да, круассанов не было, надеюсь, бублики сгодятся.
Но на тебе лица нет, Гая! Зачем прекрасные зарёваны глаза?

Гая:

Василий! Анна только что звонила.
Николаас, её бой-фрэнд,
он умер час назад!

Василий:

Ты шутишь, милая? Что? Нет!
Мы с Ником лишь вчера болтали в чате.
Он собирался быть сегодня.

Гая:

Они с Аделью в молле выбирали платья
и нижнее бельё, и всё такое.

Потом пошли перекусить в кафе все трое.
Он заказал какую-то еду, девчонки в туалете мыли руки,
а когда вернулись – он не дышит. И кофе пятнами на брюки
пролилось.
Она отправила Адель домой одну в такси.
Сама же в морг. Как глупо всё оборвалось,
Василий!

Василий:

О, Боже! Неужели этот вирус?
Но у него же не было симптомов!

Гая:

Она расскажет после, может,
когда-нибудь. О, Анна, кроме
Ника, кто у тебя остался?
Вася, клянись мне, что ты не умрёшь!

Василий:

Как мне в этом клясться?
Послушай, Гая, нож
смерти – над нами всеми, но куда мы свободны,
куда крошево
событий и работы
даёт дышать, я тут, я твой. И день и ночь,
когда ты позволяешь.

Давай вот, выпьем. Здесь у Пабло скотч
нашёлся. Ты знаешь,
я много думал о природе
и любви. (Нет, не то. Не нахожу я фраз.)
Ух! Крепкая зараза этот виски.
Господь, похоже, взял один и тот же глины пласт,
когда лепил обоих нас.
Или потом, когда занёс нас в жизни списки.
И нам когда-нибудь придёт пора,

покуда ж, сядь, послушай песню о свободе,
что для тебя придумал лишь вчера.

Бард:

*Василий отставляет рюмку
и, сняв гитару со стены, сдувает пыли пух,
подтягивает струны.*

*На слух
берёт аккорд, потом другой.
Грудным, красивым баритоном
поёт, чуть отбивая ритм ногой
по доскам пола.*

Василий:

Жить, не помня, кто умер
в каком году.
Менять континенты, работу, влюбляться по новой,
дудеть в дуду.
Перестать пить, разве кроме
того, что не горит.
Пытаться успеть всё, что клёво,
да на ходу
замечать, что смена времени – не болит.

Целовать губы, руки, любить с плеча.

А потом молчать.

В нежно-грубой тьме всё прощать.

Часть

от себя отделив, курить в окно.

Всё, что было дано,

с тем давно уже заодно,

слившись в один пейзаж,

из извилин кривых прямых

принимать, что дрожит карандаш,

рисующий за двоих.

Потерять кураж,
помнить даты и имена.
Бёдер снег пробовать на язык,
как впервой.
Кто, кому, когда не была верна?
Кто, кому на колени сник
головой?
Раскалена
ли от нежности вновь ладонь?
Прошрое или будущее – кто из них набекрень?
На любой
ответ настоящее – как в бреду,
не предвидит боль
иль какую новую дребедень.

Так дудеть в дуду,
время смыв в арык.
Ни рубцов, ни крови, ни душу пачкающих следов.
Не торгуясь,
просто вести расчёт, где свободы миг
всем расплатится за любовь.

Гая:

Вася! Можно я тебя поцелую?
Ух, как вкусно!
Всё, отложили печаль на завтра.
Скоро, скоро уже люди придут.
Надо будет им песни петь.
Спасибо за мои любимые астры,
поставлю их у окна, вот тут.
Заметь,
как они сочетаются с интерьером.
Как всё таки грустно,
что уже и по нам стреляют, и выстрел давно не первый.

Бард:

*Адель, нагруженная сумками с одеждой,
ногой толкает дверь.
Все руки заняты, а между
локтем и телом ещё картонка с обувью прижата.
Василий прерывает трель
и, отложив гитару, шагает, шаркая
неловко, помочь принять её пакеты.*

*Но не доходит – от туалета
дверь
качается ему навстречу и, закрывая коридор, торчит
наполовину.
Василий еле избегает столкновенья.
Явление
Пабло, он разминает сигарету
в одной руке, в другой зажат мобильник.*

*Увидев сцену, Пабло телефон роняет
и, взяв Адель за плечи,
прижимает
и, обняв, молчит,
как будто потерял дар речи.
Она бессильна
удержать уже и сумки, и ключи,
и те летят на пол из рук Адели.*

Адель:

Ой Пабло! Это так ужасно! Мы присели
в кафе за столиком, устав от магазинов,
от покупок.
Мы заказали кофе, отлучились руки
вымыть.
Когда ж вернулись... Анна.
Она сначала ничего не поняла.
Но я же вижу, как душа парит над трупом,

прощаясь, перед тем, как слиться с половиной
своей у нас, там, на сфиротах, в мире тонком.
Я обнялá
её, и сильно
так к себе прижала.
Вдруг Анна, осознавши, закричала...
Громко.

Что утешенье ей моё? Хоть ангел, но я позабыла ведь,
какая пустота – любимых смерть.

Пабло:

Что, отменяем вечер или нет?
Друзья, что скажете? Василий, Гая?

Гая:

Ни в коем случае. Совсем наоборот,
мы будем выступать,
но только вот,
все средства от концерта будут Анне.
Василий, есть ли ваза под рукой,
куда пожертвованья можно собирать?
Или ещё другой какой
сосуд для той же цели?

Пабло:

Есть ваза из стекла мурано.
Я приобрел её для натюрмортов
Недели
три тому назад. Ах, это было так давно.
На вот – я пыль с неё смахнул.
Смотри, как новая,
лишь дно чуть-чуть затерто.

Гая:

Годится. Давай и эту вазу под окно

поставим тоже.

Хотя, пожалуй, нет – ко входу лучше, на отдельный стул.
Когда билетов нет, пускай бросают деньги в вазу,
кто сколько может,
согласно совести народа.

А вот и первые пришли! Ну, проходите сразу
внутрь, не собирайтесь там у входа.

Бард:

*Заходит пара – он, она,
за ними поднимается ещё толпа
народа. Шум, суета, кто руку тянет,
а кто лишь локоть для приветствия согнул.
Сами
проходят внутрь, кто-то ищет стул.
Другой глядит на разные полотна,
что по стенам. Кто пробирается к фуршету,
подкрепиться,
но там уж плотно.
Странная девица
в короткой юбке и на каблуках последней моды
здоровается с седовласым джентльменом
и не стесняется его поцеловать при всех.
Вино и воды
разливаются в стаканы. Шум, смех.*

Василий:

Друзья, рассаживайтесь, время занимать места.
Почти по плану,
мы начинаем наш концерт.
Коль нравится и по карману –
пожертвованья в вазу, она у входа.
Кто хочет – будьте в масках, кто хочет – нет.
У нас свобода
выражения лица
иль зараженья вирусом.

Как знать, смешного мало.
Впрочем, это шутка, прошу прощения за чёрный юмор,
что в ней скрылся.
Кому не нравится – тихонечко с конца
из зала
выходим, не прерывая песен, и не швыряя рюмок,
так сказать.
Да, господа, на сцену, что попало,
не бросать!
Здесь всё равно, ни яблок нет, ни помидоров.
Да и хозяйке портить стены ни к чему.
Всё. Прекращаем разговоры.
Эй, в коридоре
тихо! Оставьте свет немного. Пусть будет полумрак,
на представленье отменяем тьму.
Всяк,
что ещё стоит у двери, пускай проходит и садится,
свободных стульев много. Толпиться
незачем.

А вот и Гая! Певица,
что не нуждается в рекламе.
Надеюсь, тут её все знают.
Аккомпанировать ей буду я. Меня зовут Василий.
Гитара и клавиатура.
Друзья просили
подыграть, что я и делаю.

Пабло:

Не прибедняйся, Вася, ты же целую
симфонию Чайковского по памяти играл,
не глядя в партитуру.
Профессионал
иной тебе в подметки не годится.
Всё, начинаем! Всем садиться.

Бард:

*Маски, лица –
все повернулись. Затишли наполняющие комнату
шумы.*

*Исчезло время, переставши биться
часовым настроем,
когда вздохнула Гая, взявши ноту.
На том пока оставим их и мы.*

*Сглотнувши в горле ком,
отправимся к другим героям.*

VI.

Бард:

*Грот высоко в горах, над ледником,
спадающим с обрыва.
В нём существо, похожее на человека, с воротником
Из перьев и головою птицы.
В пещере криво
Наклонённый плоский камень.
Посередине
на нём разглаженный пергамент
с живыми
картинками Адели и её друзей. Похожесть в лицах
то появляется, то снова пропадает.
Шагами меряет
пещеру Малколам и злится.*

Малколам:

Они поумнели быстрее,
чем я их отправил в ссылку!
Что за насмешка – толковым править населением?
Ох, эта ангельская молодёжь!
Не прочитавши свитков,
давно открытое вновь переоткрывает.
Их лучше пригласить для объяснения.
Что ж,
похоже, я напрасно решил менять игру,
когда начальным взрывом
послал архив сквозь черную дыру.
Решенье было торопливым
Таланты лучше привлекать, чем в ссылку слать.
Досадно вышло. Всё равно сбежали.
Теперь архив спасать
из недр другой вселенной.
Или оставить там пока? Кому нужны скрижали,
когда записанное в них и так нетленно?

Ужасно, что болезнь от рук отбилась.
И вот теперь мутирует, как хочет.
Не только косит стариков иль просто слабых.
Налево и направо
здоровых бьёт. Мы точно
с Гаардвалом
поторопились.
Адель никак нельзя терять,
она нужна мне в помощь.
Кого-то надо вниз послать
с мозгами лучше, чем у купидона.

Сам по себе ведь я ни добр, ни зол.
Я лишь хранитель Уравнения,
составленного нам Всевышним в момент творения.
(С тех пор создатель удалился.)
Остался я – его посол,
его десница.
Как хорошо, что ангелов – нас сонм.
Иначе б можно было удавиться
от нагрузки.
Там в Уравнении столько маленьких частей,
что все не удержать в балансе в одиночку.
И это грустно.
В понятии инженерном – мощностей
не хватит. Точка.

Кого б найти, всё объяснить, привлечь к проекту?
А что Земля, ну чем не ссылка?
Обратно в тонкий мир по свету,
который там так слаб, что незаметен вовсе,
обратно без проводника и ангел не вернётся.

Когда-то свет тот собирали в фокус устройства
пирамид, но всё разладилось с тех пор,
как я туда спускался.

Вся навигация между мирами
на мель
засела. Нет более ни навыков, ни знаний.
Позор!
Свободного передвиженья забыта цель.
Куда же делись Загадор и Исабель?

Пора, поищем пару по фотонному следу.
Всё, что в дыру уходит, как ни сомневался, отмечаем.
А вот обратно – видно однозначно.
Луч, на нём узор. Узор не тает.
Достаточно ли данных? Да, хватает.
Вот он галактику проходит, две звезды, планету,
вот разделяется на свет и тень, упёршись в астероид.
Да, астероида вращения карусель
придется потерпеть. Моё присутствие, скорее, их расстроит,
но не до чувств. Где Загадор, там будет Исабель.

Бард:

*Он превращается
из человека в вихрь.
Вихрь утончается, сплетается с лучом,
возникшим из стены пещеры.
Вспыхивает свет. В нём видно свитки,
словно подняты пращёй,
взлетают к потолку и падают обратно.
Всё успокоилось. Остались: серый,
свинцовый
óтсвет, бесконтрастный,
никакой, пергамент, камень в центре гладкий.
У основания его движение – видно рог, лицо
без тела и руку, рвущую
пучком растущие
грибы. Поганки.*

VII.

Загадор:

Как надоело быстрое вращенье – то свет, то тень.
Давай переберёмся на планету хотя бы, Исабель?
Там будут ночь и день
в привычных рамках.
Не то что, право, этот астероид
с дырою
в центре, из которой
от изверженья шлаком пахнет.
Хотя б скафандр тут не нужен. Нам в форме
каменного тролля
без воздуха и так нормально.

Исабель:

Загадор, мы более не можем просто так на воле
разгуливать беспечно,
неосторожно.
Мы убежали
в форме света лишь за мгновенье
до пересечения
горизонта невозврата из дыры.
Теперь, увы,
пока мы не поймём, кому мы помешали,
нам ни пиры,
ни радостные встречи,
ни просто жизнь, какой она была
там на сфиротах – невозможны.

Загадор:

Кому? О, да,
когда б мы это знали,
могли бы с ним договориться и непреложно,
быть может, разобраться. Ангел всё же
имеет цель рациональную.

Средь нас злодеев иль бездумных добряков
никак не встретишь.

Исабель:

Ах, Загадор, ну что ты лепишь!
Косишь под глупого, а сам ведь не таков.

Безотносительно к причинам,
мы просто делаем, как бы беспечно
то, что считаем нужным. Не присмотревшись, не заметишь
архангельских усилий по управленью
этой жизнью. Решишь, что так и надо.
К чему ж нам гнев,
когда у нас есть вечность?
Мы подгоняем всё под Уравнение
всемирного баланса. Кто прав, кто лев.
Но посмотри, как часто рядом,
к какому случаю приходит редкий случай,
но другой.
Обоих вероятность так мала, как велика бывает точка,
в какую смотрит луч,
идуций от звезды восхода.
Хотя б вот тот, на выступе скалы,
над кочкой
камня. Смотри, какие скулы,
Загадор, какой рельеф!
Когда б не знала я, что это твёрдая порода,
то я решила бы, что он живой.

Загадор:

Ах, Исабель, твоё воображенье
чудовищ видит там, где лишь природа.
Но продолженьем
наших рассуждений встает вопрос:
что общего у лабиринта с пирамидой?
Не каменные ж своды?

Ответ – в обоих фокус
есть, и это место, где сокрыта
и максимальна
чёткость
излученья. Что, если тайна
в том, чтоб вставши в эту точку,
где есть достаточно божественного света,
мы можем перейти, покинуть плоскость
ночи
тех миров, где свет так слаб, ведущий на простор,
что требует фокусировки?

Исабель:

А как же направление,
Загадор?
Но посмотри. На той скале поднялись в удивленье
будто бровки.
Она живая! И подслушивает!

Загадор:

Вздор!
Ты в этой форме каменного тролля
чуть не своя.
(Да я и сам не лучше.)
Для направления – нужны двое.
Второй из ангелов – маяк.
Допустим, я останусь на сфироте,
чтоб подавать сигнал, который ты в полёте
по лучу
воспримешь. И вот тебе обратный переход, я не шучу.

Исабель:

Давай попробуем. Я полечу
куда-то в нижнюю сфироту.
Потом на твой сигнал вернусь.
Но если заблужусь,

то буду двигаться на ощупь, перебирая света ноты,
пока наткнусь
на ту,
с которой зазвучу,
как в резонансе.
Наш этот каменный причал тогда найду,
проткнув пространство.

Бард:

*Она уж было собралась,
шагнула, распрямилась
и телом как-то вся подобралась,
её глаза закрылись,
знать, под взглядом
внутри. Но в этот миг от каменной скалы
как будто отделилась
тень. Возникло тело, но без головы.
Тень протянулась вбок от камнепада
и тролля образом сгустилась с ними рядом.*

Малколам:

Приветствую двух ангелов. Нет, не пугайтесь!
Я такой же, как и вы.
Вы догадались и переоткрыли
то, что в архивах мы давно похоронили,
да плохо спрятали, видать, следы.
Не надо. Не чурайтесь
так меня! Свои!
Из сонма я старейших.
Слыхали имя Малколам?

Загадор:

Конечно! Где-то прежде
мне говорили.
Кажется, Адель упоминала это имя со значением.
А, вспомнил – ты хранитель Уравнения!

Что делаешь на этом острове гранита и базальта?
Зачем подслушиваешь, наблюдаешь?

Исабель:

Да, Малколам, что мы украли? Чему обязаны
твоим вниманием?

Не сомневаюсь, что ты знаешь,
как мы стараемся спасти Адель
из мира нижнего, куда она попала.

Ужель
тебе мешаем мы своим старанием?

Малколам:

Стоп, Исабель.

Позволишь ли ты мне начать сначала?
С необходимости контроля населения,
с баланса переменных в Уравнении,
хотя бы в частностях.

С ошибки Гаардвала,
что стоила ему, по меньшей мере,
развоплощенья
или вовсе небытия.

Всего не рассказать, поверить
вам придется мне на слово,
хотя,

давай попробуем, я вам открою новый
телепатический канал,
так будет проще
достичь взаимопонимания
между нами.

Я напрямую покажу, что видел, что узнал.
И даже больше,
что предполагаю дальше делать.

А вы уж там решайте сами –
мне помогать или участвовать с Аделью
в её драме.

Я полагаю, вам самим решать вдвоём
удобней будет.
Вот, мой канал
теперь открыт. Бери его и следуй за лучом.
Подставьте груди.

Бард:

*От каменного тролля головы
поднялся луч и,
изогнувшись посредине,
другим концом завис пред Исабелью.
В нём светолиннии
зажглись бордовым.
Потом, набухший, он разделился, так что новый,
цельный
протянулся ус до Загадора.*

*Все трое ангелов застыли в напряженье.
Лишь свет и тень от астероида вращения
переменялись.
Так продолжалось
несколько секунд, они стояли, все не шевелясь.
Потом тела их распрямились и отступили чуть.
Связь между ними, очевидно, прервалась.*

Малколам:

Ну вот, теперь вы знаете, что мною движет дело.
Не власти суета, не месть, а лишь нужда,
чтоб ручеек из спелых
душ, идущих к свету, не иссякал, бежал.
Чтоб добродетель их
и глубина была, как раньше, до поры
теперешних технических свершений.
Нужны нам низшие миры,

ведь только в них
мы вырастаем из пелёнок, начав с простых движений.
Мы там взрослеем эмоционально.
Когда ж приходит миг,
и половинки от души сливаются в одно живое,
то новый ангел – цельное создание.
Его развитие такое,
что дальше движется числом, уже не духом.

Он в размышлениях, собою хорошея,
растёт. По слухам,
долетевшим до меня, вы двое
разобрались в сути перехода
и подошли к решению.
Идее следуя, сумели
все три ключа найти,
как пирамиду, лабиринт и непорочное зачатье,
и с тем пришла к вам новая свобода,
вы к ней созрели.
И это путь к нам в старшие, где братья
все мы в чувстве долга.
Я открываю вам объятья
и признаюсь, от вас необходима помощь.
Хотя, возможно и не только.

Адель, там, на Земле, как мой прибор,
чтобы отравы мощь
и эффективность мерить,
она должна болеть, не умирая телом,
в себе переживать раздор,
теряя тех, кого полюбит сердце.
Лишь по её страданиям я узнаю,
насколько удался проект мой.

Исабель:

Какой
же мерзкий
способ видеть результат!
Не потому, что заболела,
а потому, что ад
проходит, от бессилья любимого спасти?
Прости,
но смело
тем из ангела ты делаешь калеку,
чтобы его печаль и горе, восходящие к сфиротам,
тебе твою облёгчили работу?
О, брат
Мой, Загадор, во что втянула нас идея с переходом!

Загадор:

Ну да! Зачем же ангелы, когда б не плакали они по
человеку?
В чём наша роль в эксперименте над живыми?
Скажи мне, Малколам?

Малколам:

Вы оба мне нужны. Один отправится на Землю
в гриме
человека, чтоб там встретиться с Аделью.
Другой здесь, в тонком мире,
маяком возврата пусть послужит,
а заодно залогом, что подружка
его вся будет целиком посвящена задаче.

Загадор:

Ты не иначе
как Исабель направить хочешь вниз,
а я – в залог её успеха здесь останусь. Да, поделись,
что ей там делать на Земле придётся?
Махать архангельским мечом,

казня всех, на кого Адель положит взгляд?

Малколам:

Не эффективно это, нет, и точно,
скотство.

К мечам, ножам в столетье нынешнем фанаты прибегают.

Я вирус уж послал, он убивает
лучше и за собой влечёт
гораздо больший страх.

Мне Исабель нужна, чтобы с её лучом
переместился новый штамм,
чтоб заразились им не только много стран,
но и, конечно, все, кто там пересекается с Аделью,
чтоб все они переболели.

Сама ж Адель чтоб ни за что не превратилась в прах.

Исабель:

Я удивляюсь вам.

Меня спросить забыли!

А вдруг я откажусь?

Зачем, хоть и без крыльев,
на Землю ангелом смертельным покажусь?

Малколам:

Позволь развеять мне твоё сомнение.

Скажу, что твой отказ нарушит Уравнение.

Всё кончится, как в предыдущий раз –
опять войной, лишь более опасной,
в которой жизнь совсем погаснуть
может, или планета станет необетованной
и повторится Марс
из той Земли прекрасной.

По мне, так ангел смерти всё ж желанней.

Исабель:

Да, выбор тут не сложен.

Что взять с собой должна я,

как вернусь?

Как тело обрету там, в нижнем мире?

Малколам:

Про тело позже,

сначала пусть

в тебя вживётся штамм с мутацией болезни.

Пусть он с тобой сроднится.

Открой глаза пошире – будь любезна,

его я вдуну в них, в твои глазницы,

хотя постой, тут лучше поцелуй годится.

Бард:

Вот Малколам, раскрывши руки, к ней стремится,

ступает толстою ногою тролля,

обхватывает Исабель в объятия

за поясицу.

Покуда длится

поцелуй, они недвижны.

А дальше с неохотой, как-то нежно, чуть стесняясь,

расходятся. У Загадора чувство, что он лишний.

Малколам:

Как водится, всё из первичного бульона,

и тело ангела – не исключенье.

Передвигаясь в нижний мир, найдешь там море.

Нельзя бездонное –

как раз наоборот, поближе к суше,

где нет течений,

где оно прогрето,

чтобы легко суметь на берег выйти

вскоре.

Из пены тело ткать – пристало Афродите,

она тем занималась, как я помню –
трактат в архивах где-то.

Ты тоже, прикрывая кожу,
сначала в волосы закроешься,
потом одежду купишь
иль так возьмёшь в подарок от прохожих.
Назад вернешься к нам
на свет-маяк от Загадора.
А если нужно будет новым штаммом,
другой мутацией
подправить наш проект – то снова вниз.

Исабель:

Как скоро
мне в дорогу, Малколам?
И есть ли время собираться?

Малколам:

Как можно раньше, в этом-то весь смысл.
Уже давно я чувствую лишь радость
от Адели, там вовсе горя нет!

А значит, что-то сорвалось, хотя б и малость, –
а вот мимо.

Я что-то не учёл.

Но что? Как получить ответ?

Давай же, Исабель, воспользуйся лучом.

Незримо,

здесь всегда мы чувствуем, что чувствует другой
далёкий ангел, без сомненья.

Адель в веселии – Бог мой!

Ведь это нарушение Уравнения.

Бард:

*Ни слова больше не сказав,
тролль Исабель назад
на три шага ступила,
и, к Загадору повернувшись полубоком, взгляд
чуть грустный
бросила на Малколама со скрытым смыслом.
Сиянье солнца озарило
её фигурку, когда же снова тень пришла, то место было
пусто.*

VIII.

Бард:

*И снова мастерская Пабло.
Холсты на стенах – все висят неровно,
какие-то и вовсе на полу.
Следы разгрома:
сломанные стулья, яблоко,
гитары гриф, в углу
поломанный мольберт.*

*Адель, плывущую походкой
пространство меряет, обломки
подбирая в мусорный мешок.
Мужской берет,
растоптанный, чей неизвестно. Ремешок
на волосы, кусок софита,
лишь не хватает крови.
Луна в окне восходит,
как над полем битвы.*

Адель:

Зачем ты с ним сцепился, ну что б он сделал? Ну да, мешал.
Его б другие выставили просто.
А я заметила, хоть свет в прихожей тусклый,
как он вошел, как, оглянувшись,
приблизился к столу, к закускам
присмотрелся, носом
как повёл, и как решал,
что делать с комендантским часом
и с явным нами нарушением указа.

То ль закричать,
а то ль с доносом
побежать к властям и настучать,
что тут распространяется зараза

на многих сразу.
Смотри, теперь гитара по частям.
Не починить.
Разбиты стулья, картины втоптаны, мольберт на свалку.
А я б могла его смирить.
Ну да, он гнида, однако, ангелам и гниду жалко.

Пабло:

Адель, я до сих пор киплю. Как Гая пела!
И как мелодия вздымалась в унисон
с киванием голов, как публика сидела
без дыхания! А кто-то даже прикрывал лицо
руками, чуть в ритм качаясь.
Как вдруг, сперва незрим,
ввалился этот гад и волшебство разрушил.
Я и не чаял,
что так всё выйдет. Как он кричал,
что комендантский час нарушен,
что маски всем надеть и вон наружу,
как будто это дом его, не мой!
А жаль, я слабо дал ему ногой,
сойдя с катушек!
Он покусился на мою свободу!

Адель:

Ах, Пабло, тебе не изменить свою природу!

. . .

Салют вам, мальчики, с оборванными в голове проводками.
Вам, гениям
и психам одновременно. Сорняками
истории выросшим в злодеев,
праведников, пророков.
Вам, прогуливающим уроки
из идеи
свободы.

Вам, кому объяснили, что жизнь
состоит из осколков любви и счастья
породы,
редко встречающейся в грязи.
Вам, подбиравшим всё, что вдруг показалось,
и подносившим к глазам.
Но как ни старались,
обнаруживалась грязь и вблизи.

И тогда вы, сойдя с катушек, не по волосам
плача, неслись по волнам отчаяния,
а после выбрасывались на берег,
захлебнувшись в штормах одиночеств.
Где, лишённые причала,
вы размахивали мечами
пророчеств
в нетерпении,
пока ваши чаяния
не исполнялись.
Правда, уже по другую сторону времени.

Я снимаю шляпу перед вашей ревностью к идее.
Поднимаю голову и смотрю назад с благодарностью,
а вперед с надеждой, что когда-нибудь вы станете нежнее.

Пабло:

Да-а... некрасиво получилось, не сдержался.
И публика смотрела с осуждением.
Я извинялся, помню. Но разгром!
И выступленье
сорвано. И Гая напрасно так старалась.
А Василий,
он поддержал меня! Уже потом
у нас был разговор,
он мне сказал, что я был прав.
Но Анне денег все ж насобирали.

Адель, не кипятись, пока не спим, пока одни,
пока от быта не устав,
огни
не выключает город,
бросай уборку, милая,
пойдём во двор.
Там, где космические дали
видны.
Где сумасшедший запах летних трав.
Июнь. Жасмин. Вечерняя прохлада.
Подрагивает яркая звезда,
проглядывая в облаке над тыном.
Пойдем, подышим воздухом, поднимем
в небо взгляд.

Бард:

*Он обнимает девушку за талию
рукою, сильно прижимает так
и далее ведет её сквозь спальню
на простор ночи.
Адель молчит,
преступив порожек двери,
прильнув к нему, и взглядом звёзды мерит.*

Адель:

Июнь ещё успеет надоесть
своей жарой и розами в жасмине,
и мезью
ос за новую ловушку.
А всё же прелесть:
выйти на опушку,
чтоб, спину
выгнув, в звёзды посмотреть.
Чтоб лета смерть,
далёкую отселе,
с сверчковым лабухом

оплакать наперёд.
Июнь, бессонница в расплавленной постели
и грех, и яблоко
потом, наоборот.

Бард:

*Они качаются, минуту
смотрят в небо,
где Млечный Путь судьбою полосы.
Потом, друг к другу
повернувшись, – поцелуй, объятья.
Сминая платье
белое
Адели,
они торопятся вернуться внутрь,
Сшибают у торшера абажур
и вместе падают наискосок постели.
И время забывает про часы.*

*Оставим смертного в объятиях с бессмертной –
что этот старый греческий сюжет?
Адель, предчувствуя, дрожит той человеческой дрожью.
С них Уравнение требует монеты
в оплату счастья позже,
когда ни сил, ни выбора уж нет.*

...

*Спустя бездонные волшебные мгновенья,
Адель с улыбкой
в уголке у губ
спит.
Огрызок яблока, стакан с напитком
на полу
потерян в тишине безвременья.
Лишь тоненько ночной комар звенит.*

Пабло:

Жизнь, моя дорогая, прекрасна,
когда полнолунье приливом
света к полночи затапливает твою кожу.
Ты спишь, распластана,
поверх одеяла. Боже,
так, наверное, выглядит внешне
моя молитва
о нас.
В дрожащей, нездешней,
пронизанной всем тревожным
нетемноте джаз
твоего дыхания в расслабленных сном объятьях,
ещё час
назад сплетавшихся в упоенье,
говорит мне, что можно встать с кровати,
переступая платье,
перейти к гардине,
чтобы, её откинув,
покурить в окошко.

Ты лежишь чуть лицом в подушку.
Паутиной
распущены волосы. Возможно,
что в том и спасение, когда ничего не стыдно.
Изгиб затылка
тонет в лунной дорожке,
рука у соска груди – поджата.
Крутые, широкие бёдра раскрыты.
Жарко.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Бард:

*Декабрь. Ворóны. Сброшена листва.
Пустые кроны замерших деревьев.
Дорога, к ней приставка из столба,
чьи провода
в безмерной дали
украдены туманом.
В окошках здания из стали
и бетона – блесна
прижатого к земле светила
óтсвет странный
свой бросает в окна мастерской.
Стол. На столе письмо в конверте.
Где раньше было
собрание картин на стенах, нынче – пусто.
На дорогом мольберте,
Видно, новом – единственный начáтый холст,
на нём лицо
красивой женщины,
кудряшки по плечам вниз к бюсту.
Бюст не прописан, лишь формой кончиков
волос
чуть обозначен.*

*Во весь свой рост
высокий перед мольбертом –
человек. В отстроченных
штанах, рубахе, одежда – чёрная.
На голове – берет
помятый, подобранный
под тот же цвет.
В руках – палитра, кисти. Кроме
него в углу, где раньше сцена
была, – на возвышенье кресло,*

*в нём неподвижная его модель.
Колена
стройных ножек вместе
сведены, намёком задранная юбка.
Ему ж совсем не интересно,
что под ней.*

*Ещё в углу на толстой, как подушка,
подстилке лежит собака.
Зверушка
кажется зарытой
в мягкое, но неотрывно
следит за женщиной,
ловя её движенья глаз, её дыхание,
по первому же знаку
готовая вскочить, пусть к вящему
неудовольствию хозяина.
И есть в том напряжение зверя тайна,
что человеку не открыта.*

Пабло:

Ну вот, закончен подмалёвок.
Теперь осталось сделать ваши фотки,
и я смогу портрет дорисовать без вас.
Спасибо за заказ.
Сейчас начало первого, я жду вас на показ,
допустим, в следующий вторник, тоже в час?

Исабель:

Спасибо, Пабло, вам! Вы – восходящая звезда искусства.
Согласны рисовать портрет захожей незнакомки,
одетой хоть и небезвкусно,
но совсем чужой.

Пабло:

Ну почему ж чужой?

Вас Анна вон как рекомендовала, в своей грусти,
и телефон дала вам мой.
Я к ней прислушиваюсь с уважением,
особенно после её потери, диво –
как она переменилась,
живёт каким-то внутренним гореньем.

Исабель:

Да, смерть любимого меняет перспективу.
Мой муж покойный
всё мечтал иметь портрет мой,
сделанный рукою
известного маэстро.
Но, увы! Теперь я исполняю его волю –
по завещанью трачу его средства.

Пабло:

А как узнали вы и про меня, и про мои картины?
Мне Анна не сказала ничего.

Исабель:

Случайно, Пабло, я нашла ваш сайт на интернете. Он дивно
сделан. Образы запали. Там был контакт. Его
заполнила я, что-то написала в форму.
Некто Гая, по-моему,
ответила, связала меня с Анной.
(сама она была не в состоянии встречаться
и куда-то там идти).

Пабло:

Да, занятость для Гаи – норма.
Её Василий сделал мне арт-магазин в сети.
Я мог бы догадаться.
С тех пор, как в жизнь мою вошла Адель,
картины стали продаваться,
как пирожки.

В особенности те,
что после лета
я нарисовал. Успех пришел, как будто все нашли
в них краски, линии, оттенки света,
волнения души.
Все говорят, что стиль мой изменился, стал страстным,
пылким.
От прошлого лишь жалкие следы.

Исабель:

Да, Пабло, можно попросить у вас воды,
не обязательно в бутылке?
Такая сухость в горле жжёт.

Пабло:

Да, да, конечно, миссис Короновель,
сейчас несу. Вода на кухне, Адель
недавно покупала ящик,
хотя сама предпочитает из под крана.
И к грусти вящей
моей, ничто привычку изменить не может –
ни дом комфортный, ни уют.
Всё же,
пьёт лишь проточную она.
И, знаете ль,
смеётся над привычкой пить покупную.
Если хотите, там на полке есть стаканы.
Вы не из тех людей, что ни в какую
из горла не пьют?

Бард:

*Вернувшись
с кухни, он подносит ей бутылку.
Она срывает крышку,
жадно пьёт, но поперхнувшись,
кашляет ему в лицо.*

*Его рубашка мокрая до нитки
на груди. Концом
салфетки он стирает капли.*

Исабель:

Ах, как неловко. Извините, не хотела.

Пабло:

Не беспокойтесь. Где-то была тряпка.

Я потом найду.

Вода, такое дело,
не оставляет пятен.

А пока

позвольте сделать ваши снимки. Вот так —
с рукой отставленной, как будто на лету.

Теперь чуть поднимите подбородок,
смотрите на меня. Теперь на потолок,
теперь в окно, там вдалеке скопление лодок
видно. У вас глаза меняют цвет

в зависимости от того, куда глядите!

Придется в краску домешать пастели.

Я не встречал такой эффект
ни у кого и никогда, лишь у Адели.

Вы извините,

я тут чушь плету.

Бывает переменным цвет у глаз.

Всё. Фотографий хватит.

Исабель:

Ну, я тогда пойду. Почти подсохла блуза.
До следующей недели?

Да, Пабло, вот конверт с оплатой, нате,
держите. Жаль, не застала я Адель,
но, может, в другой раз.

Я познакомлюсь с вашей музой,
когда я буду забирать заказ.

Бард:

*Она встает. Идёт на выход,
Собака поднимается и, изогнувши в стойке тело,
тихо
про себя ворчит.
Ключи,
щелчок замка, стук двери.
Мастерская опустела.
Часы по-прежнему показывают первый
час.*

II.

Бард:

*Ничем неприметная многоэтажка.
Кирпичные стены, старая краска,
стеклянная дверь подъезда.
Через окно в столовой – столики,
кухонная плита, витрина,
над ними стяжка
потолка (конец на роликах),
к ней вытяжка, прикрепленная вместо
хóмута, верёвкой или леской,
не разобрать. Ссутулив спину,
в кресле-
каталке – старушка.*

*Баллон для кислорода, прóвод, дыхательная
маска сдвинута куда-то в бок. Подложена подушка
под тоненькую шею.
Адель, в халатике
медперсонала, сидит напротив с нею
за одним столом.
И уговаривает на решение
что-то съесть
сейчас, не оставляя на потом.*

*Отодвигая вилку,
рукою с ложечкой старательно
ко рту бабули подносит смесь
специально перетёртых компонентов.*

*Та шевелит рукой, показывая – хватит,
что лучше бы воды – запить.
При этом
сама берёт бутылку,
делает глоток и отставляет, опуская руку,*

*разглядывает пристально Адель, приняв её в халате
за старую подругу,
вдыхая, начинает говорить.*

Рая:

Ну что, Марленочка, туман сегодня низкий,
наверное, распространяет вирус.
В дом престарелых не пускают даже внуков.
Всё развалилось.
А ты, как в детстве, снова в группе риска —
при встрече, значит, ни щекú, ни руку
не подставить. И слова не с кем. Всё по-английски.

Что эпидемия?

Видали много хуже!
За окнами, снаружи —
зима, а всё светло, и видно, как тени
выросших деревьев на тротуарах —
дрожа, теряют листьев кружево.
Несовместимость траура
людей с природой тем объёмней,
тем контрастней, что, кроме
опустевших улиц да пешеходов в масках,
особых признаков у смерти-то и нет.

Марленочка, нам столько лет.
Война, разруха, ласки,
твой с импозантным выцветший портрет.
Мы глазки
строили. А сколько же нам было?
Семья, заботы, дети — как у всех.
Немного пыла
ещё осталось. Вкус на ужин, на смех
с подругой, на книжку перед сном.
В ответ
на страх мы заперты листом

указа на стеклянной двери,
ведущей в комнат ряд.

Всё без толку. Должно быть, первый
случай уже давно. Лишь нам не говорят.
Искусственное легкое, поверьте,
такая гадость. Трубка внутрь.
Какой-то грипп. Ни поскользнуться с выси,
ни упасть на кухне, разбивая утварь.
Ни даже случай под трамваем.
Да, так бывает,
что развязка смерти
не тянет на масштабность жизни.

Бард:

*Адель по доброте душевной
не спорит со старушкой,
а лишь кивает, соглашаясь с наблюденьем,
а также с тем,
что имя поменяла, и теперь проходит
за её подружку,
у которой морщинки под глазами и тени
с недосыпа.
Адель, усталая,
похожа, вроде,
на старость
больше чем на юность, без сомненья.
Она заканчивает с ложечки кормленье,
и, ссыпав
крошки на тарелку, передает старушку санитару,
который отвезёт её в палату.*

*Сама ж встаёт, рукою по халату,
проводит,
чтоб разгладить складки,
и вот уже, стучась, заходит*

*в комнату напротив,
где на автоматической кровати
полусидит седой старик:
худые скулы в пергаменте
обтягивающей кожи,
рот, будто скошенный
на крик.*

Адель:

Как мой герой?
Как чувствует себя всё тот же мизантроп?
Лежит, надеется, само растает тело?
Вот поплывёт по воздуху и прямо в рай?
Жизнь надоела,
я понимаю, что декабрь – не май,
но всё же? Сегодня лучше, вижу, – лоб
сухой.

Мошэ:

– Я уйду на рассвете, внезапно, весной.
Молчи, не перебивай.
Так знаю.
Поднимется ветер. Задышит листвою
прошлогодней, промчится долиною горной,
на хребте поломаёт секвойю
и уйдёт к океану.

Не страшно. Я по́жил.
Что не понял, то принял.
Теперь уж покорно,
без самообмана.
Нет, ещё не сегодня, да, таблеток не надо пока.
По коже
ещё пробегает волна
ощущений, и с ними
сцеплённая память так тщетно выводит

пред мысленным взором
картинки и лица.

Я по́жил и вроде бы
даже неплохо. Хотя это спорно.
Помоги прислониться
к подушке. Вот видишь – одышка.
А раньше бывало: вершина, ледник,
кураж восхожденья – познал ли себя?
Скорее, вот тут откровения больше –
простыня
и старик.
Тоже тело на белом – эдак проще
записывать строчки,
когда вечность горы
уже не имеет значенья в пейзаже.

Я за́жился.
Путаю внуков и правнуков по именам.
Даже из старых знакомых
тех, кто ушел с теми, кто с грехом
пополам
по случаю задержался.
Да... смешалась толпа.
Значит, это неважно. Я не скромный,
последний,
и точно не лучший носитель эпохи,
от которой не осталось ни столпа,
ни морали, чтоб её передать. Я спо́лохи
вредных привычек, перегной, удобрение, мох
для саженцев детских идей,
чтобы им не мешать – мне пора.

И не в возрасте дело и не в здоровье.
А как всегда у людей –
в замещении правды.

Относительность истин
кладёт на лопатки любого пророка.
Куда уж нам смертным? Не равным.
Извини. Эти сложные мысли.
Прости.
Твое время
и этот визит —
лучше нам прокутить
на любовь.
На просмотр фотографий,
на разговор не про дом престарелых.
Очень рад, что потрафил,
зашёл.
Ну нагнись, поцелую. Слышишь бой?
Скоро будут кормить. Хорошо
бы не из бумажных тарелок.

Бард:

*Он её принимает за внука.
Она же молчит,
сохраняя иллюзию встречи.
Берёт его руку
и гладит по вёрху ладони.
Он опускает глаза, и расслабленно плечи
его опадают. В тишине лишь дыханье хрипит
на подавленном стоне.*

Адель:

Нет, ничем не помочь. Можно время чуть-чуть придержать.
Он хотел до весны.
Что ж, пожалуй, смогу. То не трудный подарок.
Позову санитара.
Пусть покормит. Ему лучше сейчас полежать.
Мало сил,
но хотя бы без жара.

Надо выйти на воздух, проверить, как дома дела.
Но куда подевался же мой телефон?
Неужели сегодня его не брала?
А, наверно, при входе позабыла его.

Бард:

*Выбегает из комнаты,
по дороге зовёт к старику санитара.
На полке у двери находит
оставленный там телефон, выходит
на воздух, и полною
грудью вздыхая, застывает на краю тротуара.*

III.

Бард:

*Покои Малколама на одной из высших сфер.
Он сам в своей привычной форме человека.
С ним Загадор, как обнаженный нерв,
худой и длинный с блёклым
выражением лица,
на чем-то там сосредоточен, неподвижен,
лишь только дёргается веко.
Стол, свитками заваленный. С торца
свисает тело купидона, тот не дышит.*

Малколам:

Да, этот купидончик был хорош.
Без промаха вошел, и Гаардвал распался
из ангела опять на две растущие души.
Написано же в свитках: не спеши
нарушить Уравнение.
Однако ж он сорвался —
пытался знание передать тебе и Исабели.
Что, помогло оно?

Загадор:

Не сильно.

Малколам:

Вот-вот, вы сами до всего дозрели,
а Гаардвал напрасно расстарался.
Ну ничего, пройдут века и, несомненно,
он ангелом взойдет из колыбели,
и к нам вернется с именем другим.

Пока же, мы с тобой займемся мором
и всем что с ним.

Что Исабель? Ты с ней на регулярной связи?

Загадор:

Да, конечно, на мой маяк проходят здорово
все мысли от неё, немного искаженные от плазмы,
(уж очень слабые носители-лучи)
но я их слышу.

Ей удалось доставить новый штамм
всем густонаселённым странам
в том, нашем бывшем мире, низшем.
Но вот теперь она уже три дня земных молчит.
Я беспокоюсь. Не случилось ли что там?

Малколам:

Я продолжаю чувствовать Адель,
её кручину.
Она переживает очень за людей,
за всех, что к нам восходят, умирая от заразы.
Ты тоже мог бы ощущать
ту боль, когда б не твой маяк для связи
с Исабелью. Адель ещё не научилась не вещать
на всю вселенную свою печаль.

Загадор:

Я вижу, всё работает по плану.
Страдания ангела на фоне новых душ –
приемлемая плата. К нам приходящие они получше,
тоньше, чем-то чище уже,
а смерти раны
оставшимся живым напоминают чаще о душе.

Малколам:

Да, души нового потока не нарушают
Уравнения так, как раньше.
Скорее, подтверждают
весь баланс вселенной.
Адель, она же в доме престарелых,
я так понял, больных и уходящих нянчит?

Загадор:

Да, это так. В отчёте Исабели
последнем, перед тем как замолчала,
она упоминала про Адель,
про все её заботы о стариках.
Ещё она на каждую неделю
давала цифры по смертям, по всей планете.

Малколам:

Да, цифры совпадают эти
с другими данными, что на руках
у нас по поступлениям на этом свете.

И ничего, что цифры небольшие, не это важно.
Ведь главное, что эту страшную
заразу не остановить,
хотя она стремится к замедлению,
но так, чтоб полностью искоренить?
Нет, не удастся.

Загадор:

Она должна сама уйти в грядущем поколении.
А в этом ты, архангел, прав, — без шансов,
ведь мы всегда пошлём на Землю новый штамм.
Да и мутации
ещё возможны.
Так что, надеюсь, всё же не придется нам
спускаться снова в нижний
мир печальный.
Костер горит, и топлива там вдоволь.
Как говорят: «лиха беда начало».

Малколам:

Мы остановим тот пожар, когда здесь новый
народится круг из низших ангелов.
Не раньше,

чем когда для них появится своя сфирота,
а популяция Земли такую плотной
перестанет быть, что негде повернуться.

Загадор:

Про Исабель. Когда, ты думаешь, вернуться
ей возможно. Что ей сказать?

Малколам:

Пускай сама решает. Я полагаюсь на её чутьё.
Она сама учтёт,
всё взвесит, без сомнения.
Она и ты, вы без пяти минут, как старшие уже,
Архангел Исабель частично проступила в Уравнении,
да и ты тоже в нём, хотя пока в карандаше.

Нам главное, чтобы Адель всё так же продолжала
жить, впитывать, любить, страдать.

Чтобы её душа сжималась
(ах да, она же ангел –
не душа, всего лишь сердце,
пусть и немалое.)

Чтоб мы могли отсюда наблюдать,
как человечество болеет, как надеется,
что этот мор отпустит, что уйдёт беда.

Пройдут года,
количество людей уменьшится,
да, вот тогда
посмотрим снова и решим.

А Исабель, когда вернется, ты ей скажи,
пускай меня найдет.

Есть разговор, но он неважен. Он подождёт.

IV.

Бард:

*Четыре дня спустя.
Влюблённых спальня.
У боковой стены – несобранная койка,
блестя
детаями, напротив – умывальник,
дверь в туалет.
В кровати: холмы подушек,
одеяла горка
свисает на пол,
на котором кружка
из-под кофе стоит. Под чашкой капли,
давно засохшие с утра.
На ножках ванна. Далее по стенке:
обои светлого оттенка –
заметен след от комара,
окно, открытое на щёлочку немного,
портрет Адели, тот, с которого
то всё и началось.
Входная дверь чуть-чуть прикрыта. Сквозь
щель видна частично мастерская за порогом.*

Пабло:

*Адель, с тобою я живу мечту! Любовь, искусство,
да плюс признание, известность.
Как было пусто
всё моё существованье
раньше. Как пресно
было лик изображать, не видя сути тех, что я писал,
не понимая глаз отсвёта.
Какие жалкие портреты
я рисовал. Но перестал.
Тебе я благодарен так за это!
Спасибо, дорогая!*

Я без тебя пропал бы, знаю,
ты – ангел мой. Ну да, и вправду, ангел!
Как бы привыкнуть мне, что ты не человек?

Адель:

Я слышу. Хватит, Пабло, ладно.
Ничуть тебе не помогала,
твою лишь душу обнимала,
А ты творил.

Пабло:

Мне и вовек
не научиться такому стилю. И за сто лет
не перепробовать всех красок звуки.

Ты знаешь, милая, я делаю портрет
одной сеньоры,
кажется, испанки.
Я третьи сутки
бьюсь над цветом глаз. Я охры,
кобальта, лазури перевёл уж банку.

А всё никак мне не даётся суть модели,
как будто в ней живёт толпа людей,
а не одна, немного хрупкая, пусть в теле,
красивая и молодая дама, ни разу не имевшая детей.

Отличия рожающих от бездетных лучше
врача художнику видны – вопроса нет.
Но то, что вижу я, плюс фотографий куча
никак не составляются в портрет.

Адель:

Нет, милый, просто ты устал.
Тебе б переключиться на другую тему,
вернёшься к рисованию потом.

Продолжишь с чистого листа.
Ну хочешь, я расскажу про престарелых дом?
Про обитателей, про их проблемы,
про то, как я со стариком
одним вожусь, чтоб до весны продлить его существование?

Ты вправду выглядишь неважно, Пабло.
Пожалуйста, встань к свету, повернись.
Ты даже кофе про́лил на пол
Ну, улыбнись.
А то я ангелом оборочусь,
чтоб взглядом видеть то, что и врачу
не видно по приборов
показаньям.

Пабло:

Адель, тебе не отказать.
Пожалуйста, смотри, вот я отдёрну штору,
чтоб больше света проникало внутрь.
Какое утро!
Небо, чуть тронутое
жёлтым по краям тумана.
Окошко распахнуть,
чтобы вздохнуть,
грудь раздвигая, так захотелось.
Не возражаешь, дорогая,
ты не замерзнешь? Набрось на тело
одеяло.

Адель:

Конечно, Пабло.

Бард:

*Адель обратно
в глубину кровати, под тёплый плед.
Покуда Пабло,*

*отодвинув шпингалет
на раме,
распахивает створку, но в грудной мембране
не воздух – хрип, что переходит в кашель.
И вдруг он вдвое
перегнулся, будто боли
его разрезала фреза.
Он что-то силится сказать,
руками машет
на Адель – не беспокойся, сейчас пройдет.
Та вскакивает, подбегает, берёт
его за руки и глядит в глаза.*

Адель:

О, Пабло!
Я вижу, лёгкие твои замутнены,
безжизненны концы у альвеол,
и лоб горяч, температуру надо мерить.
Ты болен,
дорогой. Тебя проверить
надо бы – глаза блестят и скулы
твои бледны.
Но что же я? – леченья всё равно не существует,
так что больница подождёт,
туда не надо нам пока бежать.

Пабло:

Адель, любимая, в груди мне что-то жжёт,
а полностью я не могу вообще дышать.

Адель:

О, боже! Это так похоже на симптомы,
которые у остальных.
Бросаю всё. Звоню, скажу: останусь дома.
Своих пора спасать, а не других.

Ложись в постель. Я придержу чуть время,
чтобы в тебе не размножлся быстро вирус.
Снимай рубашку, расстегни ремень.
Вот одеяло, я его расправлю.
Послушайся, ну сделай милость,
ляг же, Пабло!
Да чтоб не кашлять, выпей. Вот вода,
в ней время остановлено. Она мертва.
Рядом с кроватью ставлю на пол.

Сама ж пойду, живые соки приготовлю,
питьё и витамины
на сегодня и на день вперёд.
Не злись! Лежи безмолвно
в тишине, подумай про работу,
про картины,
а то, что жжёт аорту
при каждом вздохе – то пройдёт.

Бард:

*Сказавши, отвернулась от постели.
Ссутулив плечи,
через окно глядит на небо, что видно над макушкой ели.
И, еле слышно, побелевшими губами шепчет.*

Адель:

Всё, что прошу, не призывай его!
Пусть я навек останусь в мире нижнем,
но только б вместе!
Услышь, Всевышний!
Пусть этот человек тебе неинтересен,
молю тебя, как ангел, хоть и бывший.

Бард:

*Не видя ничего перед собой, смотря впустую,
Адель проходит мастерскую*

*летящим лёгким шагом,
направляясь в кухню. Но замирает,
бросив взгляд на незаконченный портрет,
что снят с мольберта,
и рядом,
возле стула,
опершись, стоит. В момент,
пока она глядит, луч солнца падает на холст
и, кажется, под дуновением света
произошло движение волос.*

Адель:

Лицо красавицы мне этой незнакомо.
Однако Пабло уловил что-то такое
в ней, что, кажется, я знаю эту даму,
хотя и не припомню. К портрету раму
надо заказать, всё же клиент.
Когда портрет дописан будет – это важно.
В момент
отдачи можно больше запросить, чем, скажем,
за неоформленный, хоть и готовый холст.
Но где же я встречала незнакомку? Вот вопрос.

V.

Бард:

*Ещё три дня прошло. Дверь в студию полуоткрыта,
но охраняется собакой, смотрящей неотрывно
за просветом и с утробным рыком
сопровождающей движение на вход, на выход или мимо.
Адель заходит с сумками продуктов, бросает сумки на
пол.
Бежит проверить, как там в спальне Пабло.*

Адель:

Я вижу, ты не спишь, любимый.
Что, отпустила боль в груди?
Дай посмотрю поглубже.
Вроде лучше.
Ты как-то более живой,
чем раньше. Забавно, как там позади,
за головой,
на плоских волосах след от подушки
виден. Надо расчесать.
Потом. Ты голоден? Ты хочешь пить?

Пабло:

Адель, остановись. Часы показывают полчаса
до срока, когда она должна тут быть,
чтобы забрать портрет и заплатить баланс.
Василий обещал помочь портрет обрамить,
если будет шанс.
Он давеча тут побывал, иль мне отказывает память?

Адель:

Да, Вася заходил. Картина в раме, полностью готова.
Ты даже не вставай.
Когда она придёт, я с ней поговорю сама.

Ты стал получше, но до здоровья
полного, как до луны.
Я накупила фруктов, и даже спелая хурма,
любимая тобой, была сегодня.
Ты столько спал! Скажи, ты видел сны?

Пабло:

Мне снился пляж. Испанская ривьера.
Ты в красном платье.
Солнце грело
сквозь виноград
на столики уютного кафе.
В руках меню – во сне
не разобрать –
что там, в какой графе.

Мы взяли латте
с пышной пенкой и с рисунком из сердечка
у официантки из славянского местечка,
по Праде
судя и акценту.
Мы платим временем,
разбитым в евроценты
за башню Мурскую, роняющую тень.
За набекрень
заломленную шляпку.
За обещание неги позже жаркой
ночью.
За всё то прочее,
за этот яркий
сон,
что сбудется ещё когда – так вряд ли.
За право ветра помнить твои пряди,
хотя бы в нём.

Адель:

Всё сбудется. Всё будет хорошо и скоро.
Я чувствую, хоть логики тут нет.
Люблю тебя. Пойду встречать твою сеньору,
не помешают деньги за портрет.

Бард:

*Едва сказала, лай собаки громкий
прервал их разговор.
Дверь в мастерскую хлопнула, и тонкий
женский голос, к зверю обращаясь: «Свои, не вор!»
Адель бежит навстречу незнакомке,
а та стоит, недвижима, котомка
прижата к животу руками,
собака более не лает,
но близко не подходит тоже.
Поднявши шерсть, следит, чтоб та не двигала ногами.
Немая сцена посреди прихожей.*

Адель:

Простите нас. Мы вас не испугали? Сильва, место!
Я узнаю вас, вы за своим портретом?
Да, он готов, вы проходите. Садитесь, вот вам кресло.
Хотите пить? Есть чай, конфеты.

Исабель:

Спасибо. Нет. А вы, наверное,
Адель,
та самая, что Пабло ангел?
Как чувствует себя маэстро
сам? И ходит ли уже ногами, без палки?

Адель:

Позвольте, миссис...

Исабель:

Короновель

Адель:

Откуда знаете вы, что он болен? Гая,
что ли, разболтала?

Исабель:

Нет, не Гая.

Я это, дорогая, читаю
по глазам по вашим.

Мне в них видны
постель и суета вокруг больного,
ухаживаний

полная, ну и любовь...

Ведь вы же влюблены?

Вы плачете ночами –
и это тоже видно по глазам.

Адель:

Да, я в печали,
но только, извиняюсь я, мадам,
для первой встречи
вы преступаете интимности границы.
Я вас не знаю иль никак не вспомню,
но почему-то кажутся знакомы
движенья ваши, тембр речи,
и странно то, как необычно длится
эхо от ваших слов по дому.
Мы, часом, не видались раньше где-то?

Исабель:

Не буду лгать. Похожестью портрета,
что Пабло написал, необъяснимо чувство *deja vu*.
Адель, мы же дружили близко в мире тонком.
Смеялись вместе громко,
когда шутили в разговорах,
и как-то я тебе призналась, кого люблю.

Адель:

Ты – Исабель! Ты любишь Загадора!
Но как ты здесь возникла в этой форме?
Рассказывай, тебя не тороплю.
Зачем ты в этом нижнем мире снова?

Исабель:

На то есть несколько причин. Я, кроме
миссии тебя спасти
от растворения в небытие,
должна была заразу принести
и распылить её.
А также ревность сильно жжёт,
что Загадор в тебя влюблён без понимания,
но если встретится с душой
он Пабло
в нашем мире, тогда, быть может, Загадор поймёт,
что ты не стоила его вниманья.

Адель:

Так ты из ревности?
Как низко опустился ангел!
Но знай, не нужен мне твой Загадор. Неинтересен.
Я в человеческом обличье
полюбила Пабло.
Он – личность,
и с ним вместе
я буду навсегда.
Когда бы не беда...

Ты говорила что-то там про вирус,
что принесла?
А я-то думала, что он развился
сам.
Выходит же, что ты и заразила!
Из ревности, подруга!

Исабель:

Прости меня, коль можешь. Ревность – мўка.
А я любила!
Вот вам
лекарство. Тут немного крови тела моего.
Ведь я иммунна к этой дряни.
На, забери флакон.

Адель:

Ах, Исабель! Одновременно, я то в радости от встречи,
а то в печали от удара в спину.
А Пабло я спасла. Похоже, лечит
мёртвая вода поганый вирус.
Но крови образец твоей пусть будет рядом.
Тебя прощаю я, но не забуду. Ладно,
рассказывай, что там у нас случилось?

Исабель:

Ах, если б я умела, как Малколам войти в контакт
прямым лучом, то я бы быстро объяснила.
Почувствовала б ты, что ревность – сила,
которой я никак
сопротивляться не могла, тем паче долго.
Но без луча придется оперировать словами только.

. . .

Как хочется всё время в этой форме пить.
Ты предлагала мне воды немного?

Адель:

Пройдем на кухню, там ты нить
истории неторопливо всю расскажешь
под чай с конфетами, с печеньем.
И даже
Объяснишь, причём здесь сам хранитель Уравнения?

Бард:

*Оставим дам вести свою беседу.
Пусть Исабель поведает про путь по свету,
Про Малколама и про то, как души
теперь приходят качественно лучше.*

*Ещё расскажет, что возврат обратно
для ангела возможен многократный,
но требует луча и маяка
или какой души-проводника.*

*Расскажет про дорогу в нижний мир,
про назначенье старых пирамид.
Оставим их. На час перенесёмся
туда, где светит неземное солнце.*

Интерлюдия

Бард:

*Планета. Нижний мир.
Сезон дождей. Землянка.
В ней на циновке у стены спит женщина. Из дыр
на крыше
капает в подставленную склянку.
В нише,
чуть справа, возле двери, лежит топор.
Пониже
вдоль стены стоит колчан
со стрелами. В распор
меж брёвнами засунута копьё.
Чуть с боку – лук, ещё один колчан,
ещё одна стена, под ней очаг,
тренога, котелок, какое-то тряпьё.*

*Дождь перестал.
Светлеет воздух. Сквозь двери щёлку
луч падает на женское лицо.
Нам видно – девушка, собой небезобразна.
Коса распущенная, но не до конца –
одно кольцо
волос завернуто на щёку.
Покуда спит, но уже дёргаются веки на глазах.*

Паркетта:

*Ещё одно растёкшееся утро вот-вот вольётся в день,
что побежит быстрее ночи.
Несимметричность времени
так быстро старит.
Что утром дерево,
то к вечеру на пень
похоже кажется – и плоче, и короче.
Не потому ль провалы*

в памяти
преследуют из детства
про жизнь другую, про миры, в которых не бывала?
И это странное соседство
во мне двух разных сущностей?
Как их разнять?
Вторая носит имя Гаардвала,
а первая, родившаяся, я?

...

Она опять моё назва́ла
имя.

Да, я не умер, не исчез. Была расщеплена
стрелой на две части суть ангела.

Я снова квантовая пара из половинок.

Одна там, в тонком
мире, обитает, другая в этом бунгало
невольно делит тело

с Париёттой. Помолодела или постарела
моя душа? Я не могу понять.

Но не вернуться мне, пока весь цикл не прожит.

Какой расчёт – в живого человека подселить
наказанную душу, Боже?

...

Опять провал.

О чём я думала ещё минуту
тому назад? Не помню. Смутно.

Как будто Варглус всемогущий меня обнял.

Дождь только-только перестал.

Теперь

пора. Колчан и лук, и на охоту.

Пойду на дальнее болото,

куда, бывает, забредает белый зверь.

Коль повезёт, чтоб не были бы гнёвны,
то и богам останется на подношение.
Сегодня буду ночевать в своей деревне.
Как от циновки этой ломит шею.

Бард:

*Закрывши дверь и подперев колом снаружи,
она ступает на размытую тропинку,
идущую сквозь ближний лес
куда-то в даль.*

*Шагает, перепрыгивает лужу,
цепляет ветку, чиркая
её концом от лука. В разрез
на шкуре проливается вода
и каплями течёт по спинке.*

*Она смеётся
над собой, что вдруг умыло,
и смотрит вверх, как шар
от маленького солнца
выкатывается из-за второго, бóльшего светила,
и ускоряет шаг.*

*А мы вернёмся
в маленькую кухню,
где занимает столик всё пространство.
Проход к плите вдоль лавки под окном,
кран, раковина
в два отсека,
посуда, полюбившаяся мухам,
и две подруги, два ангела в обличье человека,
таких похожих и таких две разных.*

VII.

Исабель:

Ну вот, всё основное рассказала.
Твоё здесь пребывание совпало
с настройкой Малколамом Уравненья.

Адель:

Ты им ослепленá!
Его жестокое решенье
уже не вызывает у тебя отпора.
Как можешь ты, подруга Загадора
и моя,
участвовать в отборе населенья?

Пусть хоть и нижний мир, но мы тут раньше жили.
Росли, любили,
умирали в неизвестность.
Я не согласна с Уравнением баланса.
Жизнь надо, удлиняя, облегчать, не резать,
тогда душа имеет время стать прекрасной.
А что гармонии? – заложены Всевышним,
не для того, чтоб мы решали, кто тут лишний.

Исабель:

Не кипятись. Ты многого не знаешь.
Ты любишь, ты страдаешь
за здоровье Пабло своего.
А Малколам велик,
мудрее нас с тобой.
Он ведь давно проник
в добро и зло, в их равновесья кутерьму,
в двусущность их.
Чтоб свет живого растворял бы тьму,
глядит он сути вровень,
и в Уравненье вводит новый корень.

Адель:

А Загадор?

Как он на это смотрит?

Ведь он же умница, мозг, первый ученик.

Исабель:

Он бодро

следует ученьям Малколама.

Он учинил

весь этот поиск.

И это он тебя нашёл,

а я ему лишь только помогала,

то есть,

скорее, не мешала.

Наш Загадор, тобой заворожён,

мечтал лишь об одном, чтоб ты обратно

вернулась и была б с ним рядом.

Но ты выхаживаешь Пабло.

Адель:

Он, к счастью, лучше, Исабель.

Скажи, ты рада

ведь тому,

что Пабло не смогла сгубить

болезнь?

Исабель:

Я рада? Почему?

Как есть,

мне все равно. Не мне ж его любить,

делить печаль и радость, и так далее.

Всё это, милая, теперь твоё страдание.

Моя ж задача на Земле

уже закончена вполне.

Я остро чувствую, что мне

уже назначена пора.
Поеду скоро на вулкан.
У вас тут есть недалеко
почти потухшая гора,
где конус жерла
таковой,
что ангелам
годится для прохода.
Там луч божественного
света течёт рекой
в лучах восхода.

А тело это я там оставляю.
Пусть люди думают, что жертва,
что несчастный случай.
Ну мало ли,
я сорвалась с тропы и с кручи –
в пропасть.

Сама же я
отправлюсь к Загадору. Он мой маяк.

Адель:

Я помню, что он нравился тебе, что только робость
его тебе мешала,
когда ты с ним в одно
хотела слиться существо.
Кто я, чтобы стоять вам поперёк?
Иди, люби того, кем так давно дышала,
хотя ему твоё влечение – невдомёк.

Скажи, ужели страсть такая сила,
что раствориться в милом
ты готова без оглядки?
Задумалась, с ответом медлишь?

Исабель:

Давно, когда-то, да... Как сладко
это было! Ты мне поверишь?
Я помню чувство к Загадору,
когда мы вместе все, и он, и ты – все трое
в мире тонком.
Три младших ангела, один мужской и две ещё девчонки.
С тех пор прошло... С тех пор герои
переменились...

Нет. Рассказать
об этом не сумею. Еще всё смутно.
Я вспоминаю жизнь, которая случилась
со мной тысячелетия назад. Но трудно
оживлять
воспоминанье, здесь на Земле, где всё происходило.

У памяти какой-то блок.
Не то что в нашем измерении,
где всё легко,
где наши прожитые циклы, умильные,
всплывают в подсознание –
смотри, пролистывай всё, что не смог.
Рассматривай причудливое зданье,
где житель каждый одинаков, а всё ж другой.

Спокойно
изучай ошибки, что не исправить, и
переживай победы снова.
Да что тебе я это говорю? Бессильно слово
передать все прожитые нами возвращенья.
Тебе ль не знать,
как падает громада памяти
про жизни прошлые при превращенье
в ангела опять?

Адель:

Ты отвлеклась от темы Загадора.

Я поняла, что чувства поменялись? Ты поостыла?

Иль тебе теперь другие краше?

Исабель:

Бесспорно,

дорогая. Поостыла, но всё не так. Скорее, подросла.

Мне Малколам сказал, что я уже вполне как старший,
что чуть ли не архангел я.

Пока ты здесь была,

пока баюкали тебя любовь и нега,

я научилась принимать любую форму,

что ранее была б помехой

для живого. Я вычислила, правда с Загадором

вместе, простейший принцип перехода

меж мирами.

Так что мне образ человека?

Что внешность женская или мужская стать

тому, кто бездну между звёздными шарами

лучом божественного света может ткать?

Поверь, я так же нежно к Загадору

отношусь, как было раньше.

Он тонок, полон чуткости, забот,

но, к моему позору,

я нас не вижу дальше.

Не разобрать, кто из двоих уже не тот,

что прежде был. События чувства перетёрли в мел.

Пойми, пол нужен лишь для продолженья тел,

чтобы любовь всех смертных жалила, как слепень,

а плоть томилась, как на медленном огне.

У нас, у ангелов, любовь не терпит рода,

свободная от производства плода,

возводит любящих она в другую степень.
И в этом Загадор, увы, не пара мне.

Ты остаешься на Земле.
Здесь слиты в смертных тел фалангу
друзья, любовь и всё, что рядом с ними.
Наверно, это форма счастья.
Прощай, Адель.
Мы карты разной масти.
Когда ты вознесёшься снова, младший ангел,
я буду на других кругах носить другое имя.

Портрёт не заберу, а деньги вот возьми.
Скажи маэстро, я довольна очень!
Но обстоятельства сменились.
Всё как есть. Я уйду туда, где ждёт весь мир.
Земля – единственная в минус
точка.

Адель:

Прощай, подруга. На тебя не злюсь,
скорее удивляюсь.
Но будь что будет, хотя я за тебя боюсь.
Ещё мы встретимся, не сомневаюсь.

VIII.

Бард:

*Малколам и Загадор одни
в космическом пространстве.
Они в своей земной, привычной форме.
Огромные
шары светящихся планет,
Огни
созвездий, по разному
разбросанных вокруг лучей, пересекают свет
свой так, что он, сгущаясь
плотно
в облако,
чуть удлиненное
с концов, дает опору для ноги.
Архангелы стоят вполоборота
друг к другу. Одна из звёздочек, что около,
точней над головою, Загадора,
дрожит зелёным.*

Загадор:

Вот он, маяк для Исабели.
Когда она войдет в его лучи,
он поменяет цвет.

Малколам:

Отлично сделано. Послушай,
ей передай, что больше нет причин
задерживаться на Земле. Пастуший
труд мой временно закончен.
Но объясни мне,
между прочим,
как удалось тебе маяк для Исабели
отдельно от себя настроить в звёздной колыбели?

Загадор:

Я точно
подобрал одно решение
для трансформации волны
при путешествии
в ортогональном измерении.
А дальше стали вдруг видны
два упрощенья
для большого Уравнения.
Переписав его в систему из семи,
я ...

Малколам:

Повремени!
Ты в математике
меня сильнее, друг мой.
Такое чувство,
что тысячелетия разницы сыграли роль в науке.

Загадор:

О, да! В схематике
вещей –
ряд числовой точней
воспроизводит звуки,
чем музыкант. Мне также ясно,
что математика – искусство.
Наука – то всегда эксперимент.
А математика – прыжок, полёт в гармонии с прекрасным.
Причём наука тут? Скорее, нет.
От общего так скучно опускаться к частным.

Малколам:

Я знал, настанет тот момент,
когда хранитель Уравнения
придёт другой.
Я устарел, друг мой.

Хоть взгляд ещё мой ярок
и сильна десница,
я чувствую себя не мастером. Я — восхищенный зритель,
и сам себе я жалок
по сравненью
с твоим умением.
Пускай отныне подчинится
всё толкованье
Уравнения
тебе. Пусть будет Загадор теперь его хранитель.

Загадор:

Постой, о Малколам, зачем тебе сменяться?
Что если голову мою решения корней закружат?
Я, может, лучше
понимаю цифр танцы,
Но разве ж это нужно?

Малколам:

Послушай, по уму
хранитель Уравненья мироздания —
всегда его манипулятор.
Живое бытиём своим и познаванием
раскачивает свет и тьму
за годом годы.
Таков природы театр.
Мы лишь следим, чтоб эти колебанья,
не нарушая принципа свободы,
всё ж оставались в рамках. Старанья
наши в идеале не заметны,
когда подправлены слегка коэффициенты.

Загадор:

Примерно как катание
на санках,
когда мы чуть рулим, несясь под горку?

Малколам:

Но только не под горку,
а в ширь вселенной, за кромку
тьмы толкая жизни царство.
Но что это? Маяк твой засветился красным?

Загадор:

Ага, сработало. Похоже, Исабель вступила в свет луча
и скоро будет с нами.

Малколам:

Что ж, подождём. Не пожимай плечами.
Перемещение меж мирами
не мгновенно,
коль наблюдатель не меняет измерения.
Давно замечено, что время
может бежать, ползти, стоять и даже прыгать вспять.

Загадор:

В моей системе,
как я её переписал, про это в третьем
и в четвёртом уравнениях.

Исабель:

Привет архангелам почтенным!
Ведём учёную
беседу, как всегда?

Загадор:

Ах, Исабель, как здорово! С удачным возвращением!
Да так, математическая ерунда,
мы говорим о мироздании.

Но что это? Ты выглядишь, как девушка, отнюдь не дама.
Хоть непривычен этот образ,
всё же узнаваем
и удался тебе — я восхищён!

Малколам:

Не он один. Мы, каждый порознь,
сметены. Почти девчонка,
тут стоишь, и это взгляду странно.
Какая грация,
щекочущая память прелесть форм!

Исабель:

Что девы жизнь? – лишь череда мутаций
ей вызываемых эмоций в норме,
от восхищенья через уваженье к страху.
И всё – прошла. И сразу резко
кончилась.

А дальше дряхлость,
вызывающая жалость.

Но хуже вакуум
от одиночества,
в котором всё так сжалось,
что памятью делиться нё с кем.

Там, в низшем мире, время – враг живого.
Я насмотрелась всякого – хорошего, плохого.
Но ничего печальней смерти счастья – нет.

А юность – это та пора, где счастье
больше
и чаще
повторяется.

У нас здесь время – это просто свет,
в котором души кажутся тем тоньше,
чем светлей вокруг. Они то проявляются,
то снова исчезают, ставши вдруг прозрачны.

Малколам:

А это потому, что имена усопших вспоминаются
живыми.

Когда они грустят иль плачут,
иль когда они озвучат однозначно
имя,
прочтя его на памятника камне.

Исабель:

Я верю, что ты прав, великий,
и я готова объяснения принять,
хотя звучат они мне странно.
Но если человеком я решу предстать,
всегда отныне буду только с юным ликом.

Загадор:

Послушай, Исабель, я вывел выражение,
в котором просто показать,
что время может двигаться и вспять.
Смотри, в моём четвёртом уравнении
есть переменная одна. При изменении
её видна симметрия у времени.

Поэтому такие есть миры,
где стрелки движутся обратно.
Туда уходят души, что стары,
и возвращаются, когда с них стёрлись пятна
от грехов.
А если половинкам душ таких случится
слиться,
целым стать, тогда они легко
уходят тут у нас в небытие.

И в этом частном
проявлении
видно Создателя шитьё
вкраплением в баланс вселенной.
Теперь ещё.

И это про Адель. Где раньше,
чтобы ангела вернуть, была нужна душа, как
проводник хотя б на первую сфироту,
теперь Адели ставится маяк
с настройкой света на её природу,

на уникальную её волну
и в резонанс с Адели сутью.
Свет маяка запущенный, мигнув,
как бы магнитом втянет прямо к нам
Адель. Как сделал тот рисунок,
которым Пабло вытащил её в мир нижний. Я дам
хоть руку всем на отсечение,
что так получится перемещение.

Исабель:

Мне, Загадор, про Уравнение
в моей вот этой женской форме
не всё понятно,
но лучше
я признаюсь, мне приятно,
что оба вы восхищены. Ведь, кроме
удовольствия от взгляда,
нам, девушкам, так мало надо.

А что про способ возвращенья –
приму на веру. Ты на Адель давно настроен,
так что порою
чуть ли не дышишь ты её дыханьем.
А я, я не пылаю больше мщеньем
и не ревную. Нас было трое.
Теперь же всё прошло. Остались пустота и непризнание.
Иди, ступай по облаку из света,
мой Загадор. Сложи маяк, магнит
настрой на уникальные приметы
своей Адели. Иди, её лови.

Малколам:

Да Загадор, иди, спасай девчонку,
а мне покуда Исабель расскажет
в деталях про проект наш на Земле.

Исабель:

Зачем нам звуки, может, напрямую отчёт
мой переймешь? О всём, что важно,
о добре и зле,
что причинила.
Что, Малколам, молчишь?
Была архангел смерти я, пока хватало силы.
Потом уже вести я перестала счёт.
Давай прямой контакт, зачем нам после споры?
Пускай покажет свет, как там всё было.
Мы здесь одни. Во мгле уже не видно Загадора.
Я открываюсь, лишь
настройся и принимай волну.

Малколам:

Какой поток! Я в нём тону.
Ещё не опытна ты, Исабель,
Дозируй мысли. Чуть тоньше
луч, ага, теперь,
получше.
Я принимаю, вижу. Да, отлично.

Но что это? Ты путаешь эпохи.
Ты девочка. Обычная.
Ты обнимаешь маму. Сполóхи –
нет, какие-то цветы. Венок на голове.
И мамы мне твоей лицо знакомо смутно.
Но откуда? Сейчас я вспомню. Трудно.
Вот эти родинки, их две
подряд,
в начале на предплечье левом.

Я целовал их. Наряд
по случаю приёма. Королева?
Нет – моя принцесса!
Ты, Исабель, ты дочь её?
Как тесно
переплетено
всё в бесконечном мире этом!
Какие шансы, Господи, ужели снова чудо,
быть освещённым
твоим светом и быть прощённым,
коль дарована любовь?

Исабель:

Мне больно, Малколам! Луч отпусти, отбой!

Малколам:

Прости, родная. Всё так остро,
так внезапно. Открытие тебя меня смутило.
Перенаправил я инициативу
(в прямом контакте – это просто)
и причинил тебе тем боль.

Моя любовь
с твоею мамой
перевернулась на тебя. Ты знать должна –
ты в первом цикле дочка Гаардвала,
а не моя. Нам жизнь та, первая, важна
тем, что она определяет
все вслед идущие круги её возвратов.
Той первой жизни свет нас направляет
по кратчайшей
среди возможностей вариантов
к слиянию половинок душ.
Сквозь щазу
всех других реинкарнаций,
событий их и суеты.

Тебе так может показаться,
что это чушь –
не верь! Что опустила взгляд?

Исабель:

Ах, Малколам, как сладко знать,
до сути дна, до простоты,
что чувства, смутные вначале,
взаимны.
Я помню, мама говорила в час печали
и про редчайшие цветы,
и про висячие над пропастью сады,
хранимы
юношей с красивыми плечами.

Она тогда уже рассталась с Гаардвалом,
тебя ж всё больше, чаще вспоминала.
Ах да, конечно, не тебя, того другого, кто был тобой
в том, в первом круге.
Я полюбила образ твой.
Воображение рисовало
героя с сильною рукой,
лицо – бровей в разлёте дуги,
глаза оттенка бирюзы.
Пленённый раб, а все ж – король,
помазанник самой весны,
с принцессой царства, гордой нравом,
крутил любовь
и жизнью заплатил за право.

Ты должен всё мне рассказать
про маму и себя. Я думала, ты мой отец.
Как знать,
кто в жизни девичьей важней –
тот, про кого прошепчет мать
слова, которых нет нежней,

или случившийся самец?

Я помню в маминых рассказах
повествование в дырках пауз,
а фраз порою смысл терялся,
но я спросить её боялась.

А иногда бывали дни,
она стихами говорила.

Малколам:

Искусство слова требует любви,
иначе в слове иссякает сила.
Но неужели твоя мама промолчала
о том, как...? Нет, не будем о печальном.

Когда-нибудь я расскажу об этом, но не сейчас.
Любовь. Какая радость от её богатства!
Какая лёгкость! Можно в пляс
пускаться.
Лишь ангелы без тел и пола
умеют полностью друг в друге растворяться.
Что внешность? – форма, под которой души – голы.

Исабель:

Я слышала, влюблённых ангелов слиянье
родит другого, ближе к Богу, чем они.

Малколам:

Да, это так. Когда бы мы сияния
свои перемешали,
пронзив огни
друг друга гармоничными лучами
света,
из нас возникло б существо при этом
на степень выше,

ближе
к Создателю, чем мы сейчас с тобой.
Так дерево вершиной над плющами
растёт, там суть его является иной.

Быть может, мы с тобой соединимся,
но не сегодня, не сейчас, не тут.
Я смутно чувствую, что скоро породнимся,
настанет миг, когда нас позовут.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

I.

Бард:

*Планета. Низший мир. Пещера. Тьма.
В пустом пространстве плоский камень,
похожий на алтарь. Пещеры свод имеет щель.
Через неё тесьма
желтеющего света падает на нечто,
что на поверхности плиты.
В структурной раме
собрана модель
звезды.*

*У края как бы алтаря
стоит фигура в форме человека.
То Загадор. Глаза горят
чуть красноватым блёклым
светом, модель на пьедестале освещая
там, где она темнее.
Он двигает руками, как-то неявно
перемещая
стенки, устройство делая плотнее.
Вспыхивая, звезда приподнимается над камнем
и зависает, медленно вращаясь.*

Загадор:

Ну вот, маяк – магнит готов,
настроенный на Землю по её физическим константам
и на Адели ангельскую душу.
Едва она кого-то пожалеет вновь
или ещё чем ангельскую сущность
свою проявит,
так мой маяк её притянет
прямо в наши кущи,
ко мне обратно.

Я с нетерпением жду с ней нашей встречи.
Кто знает? Может быть, ещё не вечер,
и наши сущности
друг с другом совместимы?
Она мне до сих пор мила.

Когда бы купидона выстрел – мимо,
то не случилась бы её любовь со смертным.
Тогда, когда Адель ещё была
вся в ужасе от перехода через измерения,
как птица, сброшенная с неба ветром.

Но скоро буду знать. О знание – страха торжество!
Себя мне посвятить храненью Уравнения,
Или получим свыше разрешение
с любимой в высшее соединиться существо?

II.

Бард:

*Дом престарелых. Общий зал.
Столы, цветные стулья,
безвкусное, экономичное убранство.
Большой экран на стенке. Сериал.
Субтитры, не успеть прочесть, как промелькнули.
Старики, старушки. Иные вяжут, у других глаза
лишь пялятся в пространство.*

Рая:

Как жаль Марленочку, не дожила.
Адель, сестричка – умница. Её питьё работает чудесно.
Без шума так, тихонечко, взяла,
соорудила нам коктейль и этим пресным
своим напитком напоила быстро
нас всех, в глаза глядя при этом.
Не знаю, право, что нам больше помогло –
её раствор, чуть подогретый
на кухне, иль взгляд её лучистый.
Но в теле всё теперь легко,
и мысли в голове опять логичны, быстры.

Мошэ:

Всё так. Нет больше вируса
у нас в Дому́.
Он отступил от наших стариков,
как будто сдался.
Конец ему.
Но жаль, она не вылечила дряхлость
перед исчезновением. Давай без дураков,
что возраст для её таланта? – это малость.
Но вот уж месяц, как она не появлялась
в моих хоромах.

Рая:

Мошэ, я знала, ты – не промах!
Но шутки прочь.
Она исчезла на моих глазах.
Не так задолго
до того, как эти вот полотна
её возлюбленный принес и тут развесил,
сказав, что он смотреть на них не может.
Особенный же страх,
почти животный,
в нём вызывал вон тот портрет
над спинкой кресла
из красной кожи
в общем холле.
Испанка нарисована там, что ли?
Но как дрожит её лицо, как будто треплет
ветер кончики волос. Она вполоборота
следит за зрителем
и, кажется, моргает, как живая.

Мошэ:

Ты стала мнительная,
Рая.
Воображаешь чёрте-что. Мне неохота
говорить про старческие бредни.
Ты лучше расскажи мне про Адель. Намедни
слушал я медбрата
с медсестрою.
Они болтали там, где вход в мою палату
в коридоре.
Я не расслышал полностью всего,
но понял так, она кого-то
там жалела, обнимала, как вдруг упала,
зажёгшись странным светом изнутри,
и тело сразу недвижимо стало.

Её трясли,
реанимировать пытались,
но всё напрасно.

Рая:

Я там была. Адель меня кормила
хлебом с маслом.
Я ей сказала, что мне больно было,
с трудом с постели встала
я с утра.
Она тогда умыла
руки. Подождáла,
чтоб доктора
ушли в свои покои-кабинеты.
Взяла
меня за плечи и при этом
взглянула мне в глаза.

Смотря куда-то внутрь глубоко,
она рукою провела вдоль живота,
потом назад
к спине, и боль прошла.
Мне стало вдруг легко.

Я рот открыла, чтоб благодарить,
как вдруг Адель вся вспыхнула цветами фейерверка.
И из неё вдруг протянулась видимая нить,
нет, скорее, лента, кверху
к потолку, насквозь. Потом пропала.
В наставшей тишине
лишь тело бездыханное лежало.

Мошэ:

Какой кошмар!
Она была мне всем.
Я оживал, когда свиданье с нею

вдруг светом убирало будней боль.
Её улыбка, ямочки на щёчках, шея,
поступь. Я без Адели бы давно ушёл в иной...

Рая:

Мошэ, не сыпь мне соль.
Я понимаю и, поверь, не хуже
тебя. Но завтра Пасха. Слова за упокой
души.
Придет рэбай, произнесёт, и будет служба,
мы по закону помянём её.
Но что такое? Ты замёрз, дрожишь?

Эй, санитар! Мошэ внезапно плохо!
Есть ли какое-то питьё?
Где доктор?
Что, снова выходной?
Окно,
откройте же окно, для вдоха!

Бард:

*Но бесполезно всё. Носилки, скорая
и суета медперсонала.
Он видел их, над столиками поднимаясь.
Смотрел, как продолжалось
в телевизоре кино.
Они ему все показались мельче.
Странно.
Кто-то сильный все-таки открыл окно,
но нечто
его тянуло вверх, и это не был ветер с океана.*

Рая:

Святые уходят всегда мгновенно.

Как правило, в праздник,

будет ли это Пасха или Йóm-Кíппур.

И без разницы

из какого они там колена.

Того, что разрушено,

уже не исправить.

Мы продолжаемся без них. Со скрипом,

цепляясь ржавыми душами

за светлую память.

III.

Бард:

*Рассвет уж там, где мы расстались с Загадором.
Ещё темно в пещере, чуть проступает каменный алтарь.
В углу теперь видны приборы.
Плюс звезда-маяк,
мерцающий в пространстве, посредине,
что твой фонарь.*

*Фигура в центре на сей картине –
сам ангел, смотрящий пристально
в отображенья цифр на стенке.
Мрак,
отступающий по линии
разлома в своде. Свод, выстланный
бесцветным мхом, в котором корни, ветки
торчат, как будто пальцы
и вправду от живого существа.
Он формулу сверяет с показаньем цифр.
Как вдруг маяк зажгётся фейерверком брызг
цветных и через несколько секунд распался.
На камне кучка вещества.*

Загадор:

Эксперимент, похоже, удался.
Магнит сработал. Жаль, что только раз.

Она должна быть тут. Но где же?
Что это? Контур тела у стены, где грязь.
Фигурка женская. И без одежды.

Похоже на Адель, насколько помню образ.
Но почему-то недвижима.
Ах да, она же не умеет формы
принимать другие.

Перенести под свет, что из расщелин
вверху уже на камень светит. Лежи,
Адель. Она не шевелится.
Да, научить, когда очнётся. Надеюсь, она живо
разберёт нехитрую науку превращений.

Бард:

*Он ждёт. Пока она в себя приходит.
Сперва глубокий вздох, потом глаза открыты.
Обводит
взглядом каменные своды,
задерживаясь на местах размытых.
Когда-то, видимо, поток суровый
заполнил всё собою тут.
Взгляд движется. Упал на Загадора.
Она пытается привстать, забыв про наготу.*

Адель:

Кто ты? Ты человек? Скажи мне, что это за место?
Мне показалась, что я умерла.
Теперь воскресла.
Пещера, стол, похожий на алтарь.
Ты жрец? Я жертва?

Загадор:

Вот дела!
Ты ничего не помнишь? Да, жертва, в некотором роде,
моей ошибки. Устройство, эдакий фонарь
специальный, сработало в противофазной моде,
и квантовая связь
при переходе
меж мирами прервалась.

Но что же я об этом говорю!
Тебе ж нужна одежда и приют.
Как с вами,

с человеками, всё странно,
я позабыл. Постой, сейчас накидку сотворю
из шерсти местного барана.
На, забирай, холодный этот камень
теперь тебе неважен.
Ещё сандалии,
нет, скажем,
лучше
пусть будет тёплая, непромокающая обувь.
Снаружи лужи,
в этом мире осень, и оба
солнца в удаление почти не греют.
Зато дожди, когда стемнеет,
без остановки мочат,
а время, на удивленье,
здесь бежит скорее
днём, чем ночью.

Такой вот странный мир. К тому же мало населён.
Я стал ценить простор,
в нём есть пространство,
что души разные приятно отдаляет.

Адель:

Постой.
Какая квантовая
связь сломалась?
Я ничего не понимаю.
Сделай милость,
как звать тебя, ты человек иль Бог?

И кто я? И знакомы
мы, хотя бы малость?
Я помню,
что кому-то помогала,
боль снимала.

Потом разрыв. Теперь вот этот низкий потолок
из камня. Первобытная пещера.
В неё спускающийся коридор.
Отсутствие вещей.
Ах да, спасибо за одежду.

Загадор:

Пожалуйста. Я, между
прочим, называюсь Загадор.
Ужели имя это
в тебе ничто не всколыхнёт?
В лучах божественного света
мы в мире тонком вечность напролёт
друг с другом говорили, веселились,
а наши голоса, сливаясь в песне, лились,
и безмятежен был наш ангельский полёт.

Тот тонкий мир наш близко, рядом,
отсюда нам лишь шаг с тобою сделать осталось,
но ты не помнишь ничего, украден
иль потерян целый пласт,
какая жалость!
Память прервалась.

Но хорошо, что хоть язык в порядке.
Ты можешь говорить, а это значит: нитки
связей или их остатки
сохранились. Вернётся память. Дай только время.
Здесь, в этом мире, где оно неравномерно,
восстановление не будет долгим.
Хотя, конечно, на эту канитель
я не рассчитывал. И толком
не подготовился. Начнём сначала.
Тебя зовут Адель.
И ты бессмертный ангел.
Ладно, не пожимай плечами,

Всё придёт. Моих поспешных объяснений кальку
не принимай с печалью.

Адель:

Скажи мне, Загадор,
В чем цель того, что из другого мира ты выдернул меня?
Я помню женщину, кресло-каталку,
свет солнечного дня,
потом костёр.
Потом пробел, и в нём движение тени.

Загадор:

Давай, ты поживешь здесь некоторое время.
Я отлучусь, потом вернусь.
Мне в тонком мире легче Уравнением
манипулировать. Пусть
будет так пока.
Здесь есть еда,
питьё, я сделаю пещерку эту тебе дворцом.
Не отлучайся никуда,
мне нужно дня
четыре, может, меньше. В конце концов,
мне удалось тебя спасти с Земли,
и это главное. Метания ж любви
и счастья совершенство –
всё это ждёт до моего пришествия.

Бард:

*Он делает движения руками.
Пещера превращается. Алтарный камень
преображается в роскошнейшее ложе.
На крыше мох становится похожим
на расписной узор на потолке.
И в нём светильник вспыхивает жёлтым.
Он прикасается к её руке
и помогает встать с постели.*

*Подводит в угол, где стоит с обедом
накрытый столик. На самом деле,
не совсем всё так.
Адель сыта,
как ангел, чистым светом.
Пещеры мрак
рассеян. Убранство всё ж реально.
Она ему бросает сухо «До свиданья»
и, совсем формально,
рука протянутая, взгляд без теплоты.
Потом волна
Нахлынувшая... Пустоты.
Адель одна.*

IV.

Бард:

*Вновь тонкий мир, где нет ни декораций,
ни границ.*

*Лишь только спóлохи зарниц
комет хвостами*

*объём пересекают весьма
затейливым узором.*

*Пространство перечеркнуто. Местами
светится. Местами – тьма,
не поддающаяся взору.*

*Из тьмы причудливо фигуры выступают.
Полутенями и частями.*

То лицо, то руки – кистями или плечами.

*В форме человека два ангела крылатых
ведут беседу. Явление другого,
понятно,
обрывает разговор на полуслове.*

Загадор:

Я никогда ещё не видел,
но лишь читал в архивах
о том, как происходит высших ангелов слиянье.
Мне кажется, друзья, что вы уже одно создание,
лишь почему-то порознь
в двух телах красивых,
утончённых и цветным пронзённых
светом.

По тем давно прочитанным приметам
совсем немного вам до трансформации осталось.
Или мне это показалось?

Малколам:

Ты правильно заметил, Загадор.

Уже нам виден выход в коридор,
которым мы пройдем в иную сущность.
В конце того пути Всевышний виден лучше.

Но цель той новой сущности ещё мне смётна.
Понятно
лишь, что в новой форме той
на замысле Создателя исчезнут пятна.
Что будто
станет ясно, куда течём существования рекой.

Пока архангелы здесь в тонком измеренье.
У нас одна стояла цель, и неизменна
она была. Мы соблюдали свято Уравненье,
следуя, чтоб в мире нижнем прорастила смена.

Мы – эволюция души
от компонентов, вызревших
в животных,
в людей вошедших,
тёмных, несвободных.
Мы подвижны лишь силою любви.
Проходим циклы. В ангелов на небе
перерождаемся, чтобы потом опять
искать
с собою совместимых, где бы
ни приходилось жить и кем ни вырастать.

Теперь, мой друг, тебе досталась роль.
Пока река любви тебя не смое с места,
не зол, не добр и не подвластен лести,
ты лишь хранитель Уравненья, не король.

Загадор:

Но как узнаю я, что получился
ваш переход в другую ипостась?

Малколам:

Увидишь, в Уравнении другие будут числа,
гармонии не нарушая связь.

Исабель:

Само ж событие – реинкарнация любви.

Она зальёт свеченьем тонкие сфироты,
расплескивая по вселенной красоту,
что даже низшие миры увидят ноты
мелодии, играющей в дали.

Влюблённых души то видение поймут,
а у других оно лишь вызовет зевоту.

V.

Бард:

*Знакомая нам раньше мастерская. Спальня.
Вдоль стенок – мусор на полу.
Гуляет
дверь в разболтанной петле.
В одном углу
истлевшая от сырости футболка,
на широкой койке – корка
хлеба в плесени, постель
неубрана, у задней ножки кровати –
посуды горка,
где на тарелках – синеватые объедки,
чего – не разобрать.
Обросший бородатый Пабло,
спиной подпирающий кровать,
глядит в окно, не видя ни природы, ни птиц на ветках.
В руке зажата фляга,
та самая. Он делает попытку встать
с опорю на пол. По влаге
на полу рука соскальзывает. Он чертыхается
на эту пролитую влагу.
Толчок, вращенье на колени, встаёт, качается,
зовёт собаку.*

Пабло:

Ну, подойди ко мне, мохнатая моя. Твой чуткий нос
ещё учует запах,
и завиляет хвост,
едва её пожёванный тобою тапок
глаза найдут.
Ты спросишь: «Где она,
когда вернётся, снова будет тут?»

Постель уже остыла. Дни миновали.
Ещё чуть видно ямку на подушке.
Путь глуше,
но от неё ещё остался запах в одеяле
и он тобой, мой пёс, наверно, различим?
Зачем всё было нужно?
Давай мы просто помолчим.

Картины, выставки, признание, известность?
Зачем всё без неё? Не трогающий глаз пейзаж,
пустая местность.

Пора гулять! А как насчёт на пляж?
Туда, где скалы.
Где Адель – когда-то... Как прожили мы вместе мало!

Давай пойдём туда пешком.
Пройдем в отлив на камень тот, где я нашёл
её смятенную, больную, в жаре.
Пойдём, собакин. Вот твой мяч, пусть шарик
катится в песке солёном
вдоль набегающей волны.
Давай, играй, наш шерстяной ребёнок.
Как радостно быть вместе с тем, в кого мы влюблены.

Бард:

*Они пешком идут, не на машине,
до океана тут недалеко.
Подъём на холм. Там, на его вершине,
Собачка что-то нюхает. Потом легко
сбегают вниз, к воротам пляжа,
в песок ступают, смотрят в горизонт,
потом в другую сторону, где кряжи
береговых холмов тумана поднимают сон.*

Пабло:

Человек пробегает сквозь лето.
Человечки спускаются в осень.
Мы ходили с тобою раздеты,
и была на двоих одна поступь.
Нам звезда на подушку спускалась,
освещая мираж сновиденья,
и желаньем к утру распускалась
в жаркой жажде желтком наважденья.
О, родная моя, ты исчезла,
только зов мой к тебе не остынет.
Мои дни – уходящие числа,
как холсты без окраски – пустые.

Бард:

*Он обходит стайку детей,
запускающих шарики в поднимающийся
ветер.
Он чувствует его сначала в бороде,
потом в развевающемся
плаще.
Он подходит по песку к морю, снимает кроссовки
и ступает на дно в отлив. Ноги плещут
по щупальцам водорослей там, где мелки
солёные лужицы.
Из них в ужасе
разбегаются маленькие крабики.
Песок сменяется каменным
дном, а он всё идёт, перешагивая
через воду, и, вздымая волны,
океан отступает перед ним, маленьким.*

Пабло:

Кто бы мне рассказал до рожденья,
что жизнь - это сказка с плохим концом?
Что как ни геройствуй быть, любить, спасать и т. п.,

что как потом не сгибай шеи
на поклон толпе
в поисках щедрой овации,
уход со сцены всегда искажает лицо,
даже под гримом.

Кто бы мне предложил на выбор
не рождаться?
Зачем любовь, если её дни можно измерить?
И что искусство? – лишь красота убранства!
Ужели жизнь дана, чтобы выбрать способ смерти?
И в этом смысл вселенского пространства?

VI.

Бард:

*Квартира Гаи. Пианино, софа.
Нет телевизора, есть книжный шкаф,
набитый под завязку.
Далее дверь в ванную.
На вешалке у входа – модный шарф.
Журнальный столик, затейливая ваза
до половины налитá,
и в ней – раскрытые тюльпаны.*

*Дверь в спальню
приоткрыта чуть, углом видна кровать.
На ней Василий, в одежде прямо на постели,
головой ко входу,
чтоб видеть Гаю.
Та из кувшина подливает воду
в цветы. Вдруг прекращает подливать
и смотрит в стену. На стене портрет Адели,
тот самый, только в раме.*

Гая:

Как много дней прошло с исчезновенья Пабло,
а тела
так и не нашли.

Василий:

Они уже закрыли
официально дело.
Сказали, что немало
времени
и средств потрачено. Почти
все берегá залива осмотрели,
спасателей нагнали кучу.

Гая:

Все потому, что на собаке был ошейник,
и в шерсти лап, по случаю,
застрял морской песок.
Теперь что сделаешь?
Собачка прижилась.
Лишь ночью
иногда скулит. Лесок
наш избегает, предпочитая пляж.
Когда б решение
моё, я б только там с ней и гуляла. Ей прочие
места неинтересны,
хотя и ближе к дому.

Василий:

Да, пляж прелестен.
Недаром Пабло его любил так сильно,
что при упоминании аж дышал неровно.
Крутые волны в перехлёст, на скалах птицы, их крики, песни.
Вообще, красиво.

Гая:

Мне кажется, что он готовился к исчезновению.
Отдал куда-то всё, и краски, и холсты.
Отвёз картины
в дом престарелых,
в тот, где работала Адель.
После мечты он не хотел рутины.
Мне в этом не видна другая цель.

Василий:

А может, лишь хотел избавиться
и взгляд, и память
от всего, что было любо?

Гая:

Нет, это глупо.
Когда вас ранят,
вы поднимаетесь опять, хоть всё вокруг горит.
Но это не простая травма.
Нет, дорогой мой, Пабло
не был ранен. Он был убит.

...

Но что об этом? Хватит.
Прогулка, воздух с океана,
босые ноги по песку.
Идём, Василий?

Василий:

Сейчас. Вот зажигалка, пачка сигарет,
собаке миску,
чтоб воды набрать.
Где поводок? К ноге,
зверюга, милая.
Намордники? Собачий – нет,
людская пара масок –
когда они уже отменяют этот бред?
У населения давно, недобрым часом,
весь мозг задет.

Гая:

Ну что ты! На свежем воздухе с покрытым носом
не все уж ходят.
Да и дороги снова пользуются спросом –
почти битком
набиты. И трафик, и движение – опять паршиво.

Василий:

Я видел тут недавно, как в авто,
и вроде
в недешёвом, сеньора в маске, со щитком,
в очках, причём одна, без пассажиров.
Принять могу. Но не понять.

Гая:

Ну, ты решил уже?
Выходишь? Мы идём гулять?.

Бард:

*Мотоциклисты – гроздь грохота –
неторопливо и легко так
по горной улице
катились вниз. Немного сколько-то,
похоже, шестеро. Все в шлемах, в куртках
кожаных и на ногах, конечно, бутсы.
«Вот беззаботные и даже не несутся!
Давно ли так и я катился?»
Василий сам спросил себя и улыбнулся.*

*Дорожкой через парк. Потом через жилой район,
по мостику, что над шоссе,
они выходят к пляжу.
Пляж простирается во всей своей красе.*

*С земли он окаймлён
Обрывом, скажем,
метров в двадцать.
Через обрыв ведут тропинки на песок.
Собака, люди будут не спеша спускаться.
Не поскользнуться бы. Протянута рука.
Упёрт ноги носок.*

Сырой, морской,
пронзительно как пахнет нынче воздух.
К закату время.
Красный шар размером
спорит с океаном.
В подплечьях скал кричат
над пеною прибоя чайки.
Овчарка
с чуть нервозным
лаем
сгоняет их с насиженных камней.
Неторопливо, величаво
птицы взлетают
и садятся на другие, по соседству.
Закат вздыхает
протяженностью теней.
Вдруг у людей,
обоих сразу, кольнуло в сердце.

Они остановились и смотрят вдаль.
Туда, где солнце в океан стремится,
набросив тучи тёмную вуаль.
Два облачка, похожие на лица,
плывут над горизонтом,
сливаясь медленно друг в друге.
То розовое станет голубым,
то голубое нарисовано
сияньем
на красном круге.
И это необычное слиянье
заметно только им двоим.

ЭПИЛОГ

I.

Бард:

*Тот самый мир, что расположен рядом с тонким,
где ночи напролёт дожди сплошной стеною,
где времени пелёнка
с утра
до вечера день впитывает жадной губкой,
а за ночь усыхает плёнки слоем,
была гора.*

*На ней, меж пропастью глубокой, жуткой
и высоченным клифом,
под сенью гребня –
альпийский луг. На нём деревня.
Хижины – из бревён
стены, пол земляной со сливом.
Ручей, через него мостки.
У срубов – крыши в дранке кровель,
сквозь некоторые проросли ростки.*

*Из домика, что в поселенье ближе к краю,
дверь открывается к коралю
там, где твари
жуют свой корм, выходит девушка.
За нею парень,
на его ногах сандали,
в руке копьё (иль это дротик)?
Она с мешком.
И каждый в стороны расходятся напротив.*

Париетта:

*А всё таки Рантлир не прав.
Считать, что мясо белого болотожабра похоже
вкусом на обычного оленя?
Олень питается стеблями трав,*

а жабр – он хищник и не ест растений.
Да сам Рантлир – охотник тот ещё.
Копьё без промаха метнуть – то всякий сможет,
а ты попробуй поохотиться с пращёй?
Вот это сложно!

Но он красив. И с уважением относится ко мне.
Чуть что ни день седьмой,
я возле двери нахожу венки из красных редких лилий
на камне.
Из них, из высушенных, уже гербарий под доской
сложился.
И в шкурах ночью с ним теплее, чем одной.
Он милый –
да! Но жаль, пока не полюбился.

Старейшая мне говорит: «Пора!»
А я вот неспособна к чувству.
Мне нравится проросшая трава,
азарт охоты.
Ветра запах,
умытый за ночь.
Долина горная, где ручеёк по руслу
журчит сквозь камни, крадучись,
стремясь к большой реке,
и над долиной горы вдалеке.

Куда они боятся подниматься без нужды.
Рантлир вчера сказал, что видел свет
в пещере, что под Рогом Варглуса, где боги
в междоусобицы период и вражды
друг с другом свой совет
держали.
Рантлир дрожал, а я смеялась.
Всё примерещилось. От страха ноги,
видно, отказали.

А так он ничего, Рантлир. Лишь малость
трусоват.

. . .

Не трусоват. Скорее, осторожен.
Конечно, боги – это невозможно,
ведь Бог один. Но кто-то свет там жжёт?

. . .

Опять советуешь, когда никто не ждёт?
Ты, Гаардвал, опять мешаешь мыслить.
Хоть больше нет пробелов. Мы теперь вдвоём.
Ты прав, разведать надо, выяснить,
что происходит у святой пещеры. Когда пойдём,
то заодно богам оставить в дар
тот ядовитый зуб болотожабра, убитого позавчера.

. . .

Я чувствую, что свет, горящий в той пещере
имеет цель. Ты, Париетта, будь щедрее
в преподношении своим богам.
Дай вспомнить, кто из архангелов когда
упоминал мне этот нижний мир.
Мне кто-то говорил, что, мол, в него сойду и в нём останусь.
Он не любил сфирот ни смех, ни их духовный пир.
А вспомнил! Его звали Варглус.

Давай, возьмём мешок, пройдемся в гору к Рогу.
Кого-нибудь мы там найдем, навряд ли Бога.

II.

Бард:

*Сфирота низших ангелов похожа
на виртуальный образ города из эдакой компьютерной
игры.*

*Разбросанные, никогда не рядом,
дома, как будто сложенные
в плоскость, в объёме вырастают при приближении
взгляда.*

*Сам наблюдатель, до поры,
не представляет их размера или формы.*

*Но стоит захотеть, как он мгновенно
переместится прям под стены
зданий. Вблизи они окажутся огромны.*

*Перемещение
по велению мысли не ограничено ни направленьем,
ни расстояньем.*

*И лишь при прохождении сквозь камень
есть ощущение сопротивления.*

Пространство воздуха, озоном пахнущее, пусто.

Иллюзия (или действительное?) небо – чёрно́,

покрыто светом звёзд,

комет или ещё чего,

что во вселенной светит.

Светила эти устилают небо густо.

Все, кроме солнца.

«Грустно,

но не холодно», – заметит

наблюдатель. Космический мороз,

казалось, неизбежен своею стужей,

но, видимо, тепло передается

от Создателя

почти что напрямую

и греет.

*Лишь наблюдатель повнимательнее,
тот обнаружит,
что вся сфирота вложена в другую,
в которой, собственно, и реет.*

Пабло:

Круги моих реинкарнаций прекратились
сквозь века.
У человеческой души две половинки слились
в существо, живущее тут, в тонком мире этом.
А имя моё нет, не изменилось.
Как странно видеть прошлые все жизни свысока.
Пускай хоть и немного бледно.
Провалы их, удачи, и успех, и живопись.

Как странны эти два крыла,
чтоб в местном воздухе перемещаться.
Вот дела,
ведь я могу достичь того ж объекта
просто силой мысли.
Забавно так снижаться, подниматься
над безграничным сектором
иль просто в точке виснуть.
Ещё хотелось раздобыть бы где-то
холсты, палитру, краски, кисти.
Адель должна быть тоже здесь.
Найти б кого-то, с кем пообщаться
про неё. Услышать б весть.

Бард:

*Едва подумал, вот они готовы.
Прислонены
у стены дома:
холст, загрунтованный
так, как привычно было Пабло.*

*Палитра и мольберт, и кистей связка на выбор.
Отворены
входные двери, в парадном главном
и через них вход в студию
в пустую.
Как рыба,
выброшенная на песок, он ничего не понимает.
Но, вдруг круто
наклоняясь, подбирает
все с небес упавшие дары,
заносит внутрь.
Потом и сам заходит, дверь закрывает.*

Пабло:

Что, если я попробую опять
портрет Адели здесь нарисовать?
По памяти, конечно. Но ведь чем рискую?
А вдруг получится, и в мастерскую
здешнюю она ко мне явится,
чтоб сказки
далее продолжились страницы?
Зачем ещё мне дали холст и краски?

(Mar 2020 – Oct 2021, Woodside, CA)

С признательностью...

Я бы никогда не стал писать роман про ангелов, если бы мне не повезло быть близко знакомым с некоторыми. Что же касается людей, то, спасибо Санечке, которая прочитала первые сырые ещё версии и дала свой подробный отзыв, тем самым почти исключив для себя возможность свежего и цельного восприятия готового произведения. Большое спасибо Тане Строгановой за кропотливый труд вылавливания большинства американизмов из русского языка.

Немногим читателям первого круга, моё Большое Спасибо за тёплые отзывы, за ваше восхищение и за веру в моё Слово.

Отдельная благодарность Люсе Лукомской за разрешение использовать работы из наследия Павла Тайбера, чтобы создать зрительный ряд к тексту. Удивительно, как эти работы, созданные много лет назад, встали в роман, как будто бы для него и были нарисованы – это отдельное чудо.

Jazz стих иногда трудно читать. Если, кажется, что пропала мелодия, что рифм нет, то остановитесь! Вернитесь на несколько строк выше и произнесите весь фрагмент вслух для себя. И тогда снова зазвучит jazz или появится привычная ритмика силлаботонического стиха.

Читателю в помощь, вот звуковая дорожка к роману (можно слушать с любого компьютера или даже с телефона.) Оговорюсь, что звукозапись, может в некоторых местах не совпадать с печатным текстом. (Текст – правильней)

<https://wcl.westcoastlit.com/f2c.html>

Я не знаю насколько удался весь замысел, пусть читатель судит сам и, быть может, не очень строго.

С уважением,
Автор.

